

МИХАИЛ ИШКОВ

КОРТЕС

Михаил ИШКОВ

Кортес

«ВЕЧЕ»

2015

Ишков М. Н.

Кортес / М. Н. Ишков — «ВЕЧЕ», 2015

ISBN 978-5-4444-7681-9

Фернандо Кортес Монрой Писарро Альтамирано (1485–1547), более известный как Фернандо, Эрнандо, Фернан или Эрнан Кортес – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков. Король Карл V пожаловал ему титул Маркиз долины Оахака. О жизни Кортеса сохранилось мало источников, поэтому историки сильно расходятся в оценках его личности и наследия. В романе о знаменитом, отважном, беспощадном и хитром конкистадоре, о его замыслах и желаниях, его победах и поражениях рассказывает друг и соратник Кортеса. И в его воспоминаниях перед нами предстает совершенно другой человек!

ISBN 978-5-4444-7681-9

© Ишков М. Н., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Ишков

Кортес

Пролог

Искупитель наш, Иисус Христос, Пресвятая дева Мария, к вам обращаюсь с молитвой и надеждой. Укрепите дух мой, сберегите жену и сына. Скоро пробьет мой час, тяжело расставаться с белым светом, томит мысль о грехах. Уповаю на милосердие ваше, ибо обещано нам – обрати к свету истинной веры хотя бы одного язычника, открой ему врата небесные и воздастся тебе сторицей. Я же по милости твоей, Господь наш, Иисус Христос, тысячи тысяч темных душ осенил крестом. Склонились они перед величием твоим, обрели свет незримый...

В вашу честь основал я «Богатый город истинного креста», ныне называемый Веракрус, сокрушил кровавый Теночтитлан и на его месте заложил обитель правды и света, христианскую столицу Новой Испании город Мехико. Подобно девяти героям¹ покорил неисчислимое количество племен – наш государь, его католическое величество дон Карлос V, простер над ними свою царственную длань. Приходилось мне и с земными властями вступать в разлад. Есть за мной тяжкий грех – было дело, предал позорной смерти лицо духовного звания, но к вам, к Спасителю и матери его святой, всегда испытывал благоговение. Всегда и везде я бесстрашно шел вперед с крестом в одной руке и мечом в другой. Вашей славой осенил земли, до той поры нехоженые и немереные.

...Порыв благочестия угас, снова начало теснить грудь, опять напомнили о себе острые боли в затылке. Дон Эрнандо заворочался в кресле – воспоминания о строптивом, горластом монахе, которого пришлось вздернуть в джунглях таинственной страны Гондуры, наконец испортили ему настроение. Дон Эрнандо Кортес притих, глянул в окно. Привычный вид открылся перед ним – изобилие черепичных крыш, ступенями избегающими к вершине пологого холма, к которой прилепились развалины древней арабской крепости. Чуть ближе обветшавшая сторожевая башня – на ее куполе густо свили гнезда аисты... Кастильехо де ла Куэста, где на склоне лет он теперь обитал, селение захудалое, расположенное неподалеку от Севильи. Куда ему до величия и бьющей в глаза роскоши Теночтитлана, строгости Тласкалы, пышности Чолулы! Единственное, чем богаты эти места, так это небом.

Такого неба, как над Испанией, нигде больше не встретишь. Особенно обильно оно в родной Эстремадуре, где он когда-то появился на свет. Это недалеко отсюда – несколько дней пути на север. Удивительно, чем беднее земля, тем выше небесная чаша, тем пронзительнее голубизна. В джунглях небо почти всегда в дымке. Изредка в прогалах листвы и сплетения лиан мелькнет робкая отсыревшая синь. Местами зеленые сумерки сгущались так, что солдаты не видели, куда ставят ноги. В горах Мексики небо низкое, упитанное, ненасытное. Под стать отвратительным идолам ацтеков, радостно взирающим на вырванные из разъятой груди свежие, еще дымящиеся, человеческие сердца.

Я, Эрнандо Кортес, обрушил это богомерзкое небо. Теперь умираю... С трепетом жду конца. Все в жизни свет и тьма...

На расположенном напротив, зарешеченном балконе, среди обилия других комнатных цветов торчит из глиняного горшка толстый стебель диковинного растения, называемого «маис». Видно, жена, донна Хуана привезла из-за моря... Это растение теперь вошло в моду. Мясистые, начинающие желтеть листья, золотой початок, выглядывающий из темно-зеленой гущи – на нем уже отчетливо видна резьба зерен. Наверху венценосная метелка... Вспомнился

¹ Имеется в виду остров Гаити, который в ту пору назывался Эспаньола.

государственный символ, с которым встретили меня в Теночтитлане – медный жезл в полтора человеческих роста, обвитый золотой змеей. Глаза – два крупных изумруда. Жезл был осенен искусно изготовленной метелкой из золота. Дозволено ли иноземному злаку украшать себя подобием королевской короны?

Я добился славы, ее теперь у меня вдоволь. Но что значит слава без золота? Забытые строки в толстенных, замурованных в деревянные, обшитые кожей доски, исторических хрониках? Или пересуды простолюдинов на рынке? А может, крикливые обвинения епископа Бартоломе де Лас Касаса, чьи слова теперь повторяют завистники и трусы? Дошло до меня, что он позволил себе прилюдно обмолвиться насчет не всегда благородных способов, с помощью которых я приобрел свои богатства. Одному лишь Господу Богу известно, заявил он, сколько индейских жизней было загублено из-за этого золота; надо думать, он призовет его за это к ответу.

Кого к ответу? Меня?! Первого капитан-генерала, алькальда города Веракрус, вице-губернатора Новой Испании? Маркиза Валле да Оахака?..

На лбу выступила испарина. Вновь острая боль отозвалась в голове. С трудом удалось унять расхолодившееся сердце – сил еще хватало взять себя в руки, с усмешкой помянуть назадочлившего епископа.

Славный старик, но дурак! Духовному лицу даже в силе – к его словам нынче внимательно прислушиваются при дворе – не к лицу позволять себе подобные дерзости, цепляться к каждому грешку, совершенному в далеких Индиях? Милость властей – штука ненадежная. Отец Бартоломе никак не желает понять, что жизнь прожить – не поле перейти, и если он, такой непримиримый к чужим грехам, такой строгий в исполнении заветов Господа, способен обходиться чечевичной похлебкой, это не значит, что другие тоже должны ежедневно поститься. Было дело, подобному благочестию и простоте он пытался научить меня на острове¹, затем в Сантьяго-де-Куба. Лас Касас сразу выделил меня среди «святой братии головорезов» – так он называл благородных идалго, в поисках приключений прибывавших в Новый Свет. Признаться, был момент, когда я поверил ему и согласился отвезти жалобу на противоправные действия и злоупотребления губернатора Кубы Диего Веласкеса де Леон.

Чем все закончилось?

Меня поймали, посадили под арест. Я бежал, потом снова был пойман, отправлен на корабль, следовавший на Эспаньолу, где заседал королевский суд. Там меня без раздумий как бунтаря и заговорщика приговорили бы к повешению. Угроза быть вздернутым – хороший урок для молодого человека. Общее дело не всегда бывает правым, я хорошо усвоил этот урок. Верно, в отместку за то, что я не позволил отдать себя на заклятие королевским судьям Лас Касас и возненавидел меня... Принялся распускать слухи... Может, и справедливые, но все равно гнусные! Уже встретившись в Мексике, беседуя о прошлом, он на правах прежнего наставника напомнил мне о тысячах погибших индейцев, об одураченном Диего Веласкесе, о тех двух кораблях, что я захватил на пути в Мексику.

– Клянусь верой в Господа Бога, мне тогда приходилось действовать как настоящему корсару, – согласился я.

– Да внемлет ваш слух тому, что уста глаголют! – посетовал епископ.

– Верно, святой отец, *qui non intrat per ostium, fur est et latro*². Однако следует иметь в виду, что мы, горстка христиан, сокрушили оплот язычества, – возразил я. – Разве это обстоятельство не дает нам надежду на спасение?

– Никто, маркиз, не ставит под сомнение вашу воинскую доблесть или искусство политика. Вопрос в другом – имеют ли эти подвиги отношение к Божьему суду? Уверяю вас, казнь невинного Куаутемока и францисканского монаха Хуана де Текто, странное исчезновение дру-

² Кто не через дверь входит, тот грабитель и разбойник (*лат.*).

гого нашего брата, францисканца, Хуана де Айора – вот что будет брошено на чашу весов. Верю, тогда и вам самому станет ясно, чем вы пожертвовали ради земной славы.

– Вы слишком строги ко мне, падре. У меня не было выбора – последний император ацтеков Куаутемок замыслил измену. В том положении, в каком я оказался, у меня не было времени соблюдать формальности. Примите во внимание, что Совет по делам Индий признал мои действия правомочными...

– Вот об этом вы и порассуждайте на досуге, дон Эрнандо. Смею надеяться, что вы найдете достойные оправдания, убедительные доводы. Иначе вам будет трудно ладить с людьми...

* * *

Ты оказался не прав, старик! Насчет того, как ладить с людьми – в этом у тебя, моралиста и обличителя, куда больше трудностей, чем у меня. Я ссорюсь исключительно со слугами. Больше, к сожалению, не с кем... *Sic transit gloria mundi*³. Да, я вспоминаю, часто вспоминаю бывшее... Но оправданий не ищу! Мне не нужны веские доводы в свою защиту. Они наглядны! Еще лицензиат⁴ Сауседо в Саламанке убеждал меня в том, что Бог создал человека как меру всех вещей. Глядя на бесконечность зримого мира, мы должны принять во внимание бесконечность приложимых к нему мер. Всех на одну колодку не натянешь. Звание честного, добросовестного служаки было не для меня. Тем более что перед глазами долго стоял пример опытного Хуана де Грихальвы, командующего второй экспедиции, посланной к берегам Новой Испании⁵. Он мог совершить все, чего сумел добиться я. Однако дерзнуть не отважился... Решил в точности следовать инструкциям, данным ему губернатором Диего Веласкесом. Вспомним, как встретил Грихальву губернатор Веласкес? Он разжаловал его, оскорбил, отнял подаренные земли. Чем кончил Грихальва? Стрелой индейца, попавшей ему в горло!..

В том кровавом угаре, в чаду пожаров, пыли сражений, на пороге новых горизонтов, которые мы, испанцы, распахнули с помощью меча и креста, вы, святой отец, прослыли другом индейцев, защитником дикарей и язычников. Это ваш удел! Я выбрал другое поприще – вернее, меня избрала судьба! Надеюсь, не для того, чтобы затем свергнуть в ад? Я желаю, чтобы на моем надгробном камне было вырублено только одно слово – конкистадор!

В остальном да рассудит нас Бог!

³ Так проходит мирская слава (*лат.*).

⁴ Лицензиат – человек, имеющий ученую степень, дающую право преподавать в университете.

⁵ Мексика.

Часть первая

Глава 1

Корабли устремились к морю. В лунном свете расширявшаяся от устья реки, посверкивающая водная гладь просматривалась до горизонта. Захлопали и тут же серебристо засветились косые паруса на небольших каравеллах, заиграли на парусах кресты. На флагмане под бушпритом⁶ установили блинд⁷ и прямой на фок-мачте – их вполне хватило. Под плеск речных струй флотилия вышла в широкую бухту, легла на мелкую волну. Между двумя мысами ясно обозначился просторный проход. Держи курс на середину – это и будет нужный курс! Кормчий Аламинос уже совсем было собрался погнать матросов на реи, ставить все паруса, как вдруг от капитан-генерала дона Эрнандо Кортеса прибежал посыльный с приказом бросать якоря. Аламинос бросился на переднюю надстройку, отыскал командующего, принялся доказывать, что ветер попутный, что к рассвету они уже будут далеко от Сантьяго и губернатор Веласкес уже не сможет остановить их...

Дон Эрнандо невозмутимо выслушал бородатого, диковатого вида моряка и коротко ответил.

– Так надо! – потом после короткой паузы добавил он. – Будем ждать.

Аламинос только рукой махнул. Ждать, ждать!.. Сколько можно ждать? Всегда одно и то же – сначала лихорадочная суэта, толпы возбужденных искателей приключений, собиравшихся возле глашатаев и вербовщиков, которые несколько дней ходили по городу, извещая жителей о наборе добровольцев в военную экспедицию в новые земли на западе; банкеты и турниры, посвященные предстоящему походу; поспешные сборы денег на закупку провианта и военных припасов; пьяные идальго, похваляющиеся на шпагах добыть славу и золото; шум и гам в лавках, где торгуют стеклянными бусами, зеркальцами, ножами, ножницами, металлическими пуговицами, ношеной одеждой, головными платками и прочей дребеденью, до которой так охочи индейцы. То вдруг всеобщее оцепенение – жители затаиваются, смолкают разговоры о предстоящем походе, жизнь в городе входит в привычное русло, никто больше не упоминает о горах золота, ждущих храбрецов на западе, где, по слухам, наконец-то найдено долгожданное Эльдorado. Между тем припасы по-прежнему свозятся на закупленные корабли, своим ходом идет ремонт корпусов и починка парусного вооружения. Добровольцы собираются в таверне, угрюмо обмениваются последними новостями, бросают нетерпеливые взгляды в сторону гавани. Что слышно? Да ничего. Говорят, губернатор пожелал заменить командующего... Родственнички и прихлебатели нашептали – держись подальше от Кортеса. Теперь поставят в командиры какого-нибудь раззяву вроде Грихальвы или того хуже – заносчивого дурака. Все тогда сложим головы в новых землях. Кортес им, видите ли, не угоден! А нам он угоден!.. Толковый малый и держится просто...

Вдруг, как гром среди ясного неба, – в полночь отплываем! Аламинос в сердцах покачал головой. Ремонт кораблей еще не окончен, припасов маловато, и на тебе – на ночь глядя в море! Опять в городе суматоха, участники экспедиции мчатся в гавань. Томного, надушенного Кортеса не узнать – этот франт сам со своим дружкой Пуэртокаррерой летит в мясную лавку и не торгуясь закупает весь товар. Все подчистую – свежатину, солонину, птицу, свиней по два песо за штуку. Мясник тоже забегал, никак не мог сосчитать общую сумму – пальцы дрожали. Все жаловался – чем же я завтра буду горожан кормить? Сумма вышла изрядная,

⁶ Бушприт – горизонтальный или наклонный брус на носу парусного судна, на котором крепятся паруса.

⁷ Блинд – парус, который ставили под бушпритом. Привязывался к блинда-рею.

однако Кортес глазом не моргнул – тут же написал долговую расписку. Лавочник помялся – расписка распиской, а как насчет залога? Кто знает, вернетесь ли вы, дон Эрнандо, из похода. Вернусь, заверил его Кортес и тут же снял с себя массивную золотую цепь и положил на прилавок. Говорят, последнее, что у него осталось... Наконец долгожданная команда – поднять якоря! Паруса ставить!.. Флотилия выходит в бухту – и на тебе! Вновь остановка. Поди разберись во всей этой кутерьме.

Аламинос подергал серьгу в ухе – это был его оберег, окропленный святой водой еще в родной Севилье – выругался про себя, прошел вдоль борта. В городе по-прежнему было тихо. Редкие огоньки светились в крепости Кастильо-дель-Марро. В лунном свете унылыми горбами вставали местные горы, обнимавшие долину, где струилась река, на которой был возведен Сантьяго. Вода ласково шлепалась о борт, трехмачтовое судно чуть покачивало на мелкой ровной волне... Кто бы объяснил, зачем на ночь глядя поднимать людей, давать команду на выход в море? Офицеры между собой перешептывались – мол, Диего Веласкес решил заменить капитан-генерала, вроде бы дон Эрнандо Кортес перестал внушать ему доверие. Говорят, шут губернатора вслух подсказал Веласкесу – смотри, папаша, как бы тебе не пришлось вновь отыскивать Кортеса с гончими. Как в тот раз, когда этот смутьян бежал из-под ареста... Если эта новость верна, тогда понятно, почему они снялись с якоря в такое неуместное время. Благо ночь светла... Но в этом случае надо ставить паруса и держать курс на юго-запад, в сторону недавно открытых, обильных золотом земель, а не торчать на внешнем рейде в ожидании, когда Диего Веласкес соизволит проснуться и вернуть суда к причалам. Большинству участников похода – морякам поголовно, почти всем солдатам – всякая задержка, что нож в сердце. Многие в долгах, как в шелках. Уходя в дальний путь, надо было прикупить кое-что из военного снаряжения. Кому нужна новая кираса, кому – запасная шпага или меч, кому – шлем, налокотники, поножи. Обыкновенным белишском следует запастись... А на какие деньги? Все под расписочку. И вообще, сколько можно сидеть без дела. Вон солдат Берналь Диас, земляк или родственник самого Веласкеса, с четырнадцатого года кукует на Кубе. Теперь уже ноябрь 1518-го... Успел побывать в двух экспедициях: Кордовы и Грихальвы, и все равно гол как сокол. В это время командующего менять – последнее дело. Офицеры, правда, не в восторге от этого «высочки» Кортеса, сумевшего, как утверждают сторонники Веласкеса, с помощью королевского казначея Амадора де Лареса и секретаря Андреса де Дуэро окрутить губернатора и добиться патента на верховное руководство.

Кормчий закурил – занятие это было новое, необычное, однако многие из тех, кто первыми, с Кристобалем Колоном добрались до Вест-Индии, уже баловались этим местным зельем. Вдыхали дым через нос, как то делают индейцы... Голова приятно закружилась, мысли вернулись к назначению Кортеса.

Де Ларес – известный интриган. Двадцать лет прослужил дворецким у Великого капитана, знаменитого полководца Гонсало Фернандеса де Кордовы, который все эти годы сражался в Италии. Всем известно – тому, кто набрался итальянского духа, доверять нельзя. Вся Европа наслышана о злодействах Цезаря Борджиа, герцогов Сфорца, д'Эсте, а уж о коварстве Медичи и говорить не приходится...

Аламинос вздохнул – какое дело настоящему испанцу до шабашей иноземных властителей! Другое дело – странное поведение Кортеса, ведь под его командой идти в бой. Будет ли сопутствовать ему удача, хватит ли у него благоразумия довести дело до конца? Как с людьми будет обращаться, что для него человеческая кровь? Не водица ли? Никто из рядового да и офицерского состава не мог упрекнуть его в трусости, нечестности, отсутствии сметки – самого нужного на войне дара. Особенно, когда не знаешь, с какой пальмы мерзкий язычник пустит в тебя стрелу. В общем-то, Кортес, хотя и рядится в вельможу, но парень простой, веселый, за словом в карман не лезет. В чем он мастак – так это в обращении с холодным оружием.

Так орудует шпагой, что и втроем его не возьмешь. Аламинос усмехнулся – этого мало. Главное, чтобы благоразумия и осторожности хватало. В их деле это перво-наперво.

* * *

С полчаса еще провел Эрнандо Кортес на переднем возвышении судна – наблюдал за городскими огнями. В Сантьяго было спокойно – видно, никто не решился разбудить Веласкеса, чтобы сообщить ему пренеприятнейшее известие – Кортес снялся с якоря! Затаилась шептунья, лизоблюды, сгорают, наверное, от нетерпения... Наконец, когда на кораблях угомонились, капитан-генерал отправился в свою каюту.

Был ноябрь, начало «сухого», как его называют на Фернандине⁸, сезона, и все равно ночь была жаркая, душная и влажная. Мошकारа тучей вилась вокруг тускло посвечивающего фонаря...

Он расположился за столом, снова просмотрел списки. Во всем был недостаток – не хватало солдат, пушек, съестных припасов, особенная нужда ощущалась в конях и хлебе. Кавалерия – хорошее подспорье в сражениях с туземцами, однако каждая лошадь в Вест-Индии буквально на вес золота. Десяток годных под седло скакунов – это его предел. Прикупить больше не на что. На эту экспедицию он потратил все, что имел. Все, что сумел заработать в колониях за пятнадцать лет. Сумма получилась изрядная – почти три тысячи кастельянос⁹. Оказалось, что этого мало, пришлось влезать в долги. Теперь пришел черед закладывать честь, а может, и саму жизнь... Диего Веласкес, стоит только ему задержать экспедицию, сумеет расправиться с ним. Что ж, теперь он, дон Эрнандо Кортес, готов все бросить на кон. Только не надо спешить, надо все трезво взвесить. Веласкес сам загнал себя в угол, выдав ему подписанный властями и монахами-иеронимитами на Эспаньоле патент. Просто так снять капитан-генерала он не властен. Нужен серьезный повод. Но это формальный подход к делу. Повод губернатор всегда найдет. Значит, задача состоит в том, чтобы как можно скорее выйти в море и при этом не допустить, чтобы Веласкес успел отдать прямое распоряжение вернуться.

Кортес подошел к окну, распахнул его – в городе по-прежнему было тихо. Тьма внезапно сгустилась – по-видимому, луну накрыло облачко. Собственно, плевать ему на губернатора. Страшила оппозиция среди офицеров и возможная потеря командования. Веласкес всюду насовал своих людей. Чтобы приглядывали за строптивым «высочкой»... Солдаты и матросы поддерживают его, для них любая задержка – повод к недовольству. Могут и взбунтоваться... Нет, бунт сейчас не поможет. Надо думать, думать... Отплывать нельзя – тем самым он даст козырь Веласкесу, который тут же обвинит его в измене. Необходимо получить, хотя бы формально, напутственное слово, а уж как он истолкует его – это его, Кортеса, дело!

Дон Эрнандо повеселел, полной грудью вздохнул любимый и всегда немного пугающий воздух моря. Особенно когда эта пахучая, манящая взвесь разбежится, ударит в паруса, начнет корезить воду, швырять корабль, как щепку. От этой жути ему, сухопутному парнишке, выросшему на сухой, выжженной солнцем тверди Эстремадуры, никогда не избавиться. И ладно – ощущение опасности всегда волнует кровь. Риск, говорят, дело благородное. Скорее святое, тем более когда в бой идешь, осененный крестом, когда на карту поставлена честь и жизнь.

Между тем ночь уже заметно гасла. В крепости начали носить факелы – пришло время смены караула. Полновесная тьма на востоке уже сменялась пепельно-сизой завесью, в которой одна за другой таяли гулкие, крупные, тропические звезды. Кортес глянул в противоположном направлении, куда сдувало густой мрак – в той стороне укрылась земля, где сокровища лежали

⁸ Остров Куба.

⁹ Кастельянос – золотая монета, чеканка которой прекратилась в 1497 году. Долго сохранялась как единица измерения золотых слитков и песка. Равнялась золотому песо.

грудами; где, по рассказам бывалых людей, дороги и мостовые были устланы золотом и серебром. От сердечной хвори, называемой алчностью, не было лучшего лекарства. Хвала Господу, он, Эрнандо Кортес, кажется, не страдает от этой болезни, но путь в ту землю, такой широкий, вольный, морской, был завален всяческими установлениями, условностями, обетами, приказами, распоряжениями. Этот бумажный вал мог и вознести, и низвергнуть, одолеть его можно только с помощью золота. А его нет. Золото еще надо добыть, утвердить свое право на него, пустить в дело – тогда плевать ему на Веласкеса! Вот почему нельзя кликнуть Аламиноса и приказать ему поднимать якоря. Он уже не тот желторотый юнец, которого можно увлечь красивыми словами.

Два года он торил тропку в сторону запада, собирал сведения, пролизывал брешь в сердце губернатора, помирился с ним, чтобы угодить Веласкесу, женился на Каталине Хуарес. Все это время готовил сеть, с помощью которой можно было уловить птицу-удачу. Сколько разговоров у него было с сеньором Ларесом и секретарем губернатора Дуэро! Наконец поладили, и за солидный процент от всех доходов, которые принесет экспедиция, уважаемые чиновники убедили Веласкеса, что лучшей кандидатуры на пост капитан-генерала, чем Кортес, ему не найти.

...Когда королевский казначей, призванный отсчитывать королевскую пятину, напомнил губернатору о Кортесе, Веласкес задумался. Доводы Лареса заслуживали внимания. Вложив все свои деньги в организацию военной экспедиции, Кортес становился полностью зависим от властей Фернандины. Кроме того, в случае неудачи похода на него можно будет свалить все грехи. В случае успеха подкрепления он сможет получать только с острова. Пусть эти три сотни отъявленных мерзавцев дерут глотки за Кортеса – он и в воинском деле славен, и с боевыми товарищами честен, – придавить их особого труда не составит. Трезвый взгляд на вещи подсказывал, что с таким войском в незнакомой, чуждой стране долго не продержишься. Их дело – создать форпост на побережье, потом разберемся. С другой стороны, у губернатора действительно не было под рукой более подходящего и толкового человека, чем Кортес. Родственники подсказывали отдать командование племяннику Бермудесу, так тот, еще пороха не понюхав, заломил такую цену, что губернатор выругал его «дурными словами» и выгнал вон. Пятину доходов потребовал, дурак! Вровень с королем и губернатором захотел встать!..

Вся эта интрига до малейшей детали стала известна Кортесу. Сердце зашлось, когда Веласкес предложил ему возглавить поход, однако ни единым взглядом, ни вздохом, ни тенью улыбки не выдал себя дон Эрнандо. В глазах преданность и благодарность, на устах мед и обещания. Кортес ни словом не возразил, когда в состав экспедиции были включены люди Веласкеса – и все на офицерские должности! Охеда, его домоправитель Ордас. Даже бровью не повел, когда услышал имя Хуана Эскудеро, бывшего альгвасила¹⁰. Этот негодяй выследил его и схватил, когда Кортес вышел из церкви, в которой прятался после первого побега из-под ареста. Дон Эрнандо был на все согласен – на месте разберемся. Прежде всего надо отплыть. Уйти в море законно, с разрешения Веласкеса, иначе бунт, разлад в войске, гибель...

Время! Медлить нельзя! Кого взять с собой на берег? Один, конечно, Пуэртокаррера, верный друг, земляк, другой должен быть из стана сторонников губернатора. Кто именно? Здесь нельзя ошибиться.

Кортес вдохнул полной грудью – не удержался, еще раз глянул в сторону запада. В той стороне маняще перемигивались звезды...

Кстати, чтобы не застали врасплох, в шлюпку надо взять арбалетчиков. Оружие следует держать заряженным. От Веласкеса всего можно ждать! На берег высаживаться нельзя... Кого же захватить с собой из стана губернатора? Охеда? Этот туповат, может продать. Кроме того, мы никогда не ладили друг с другом. Надо кого поумнее, чтобы сразу сообразил, что с Кортесом он при деле и скоро будет в чести, а в случае задержки тоже всего лишится.

¹⁰ Альгвасил – чиновник, исполнявший полицейские обязанности.

Кто?

Диего де Ордас! Домоправитель у Веласкеса. У этого голова на плечах, он своего не упустит. До мошенничества тоже никогда не опускался. Ох, по самой кромочке приходится ступать, по самому лезвию. Плевать!..

Кортес окликнул слугу, приказал вызвать начальника караула. Тот появился немедленно, будто ждал. Вошел в каюту.

– Это ты, Диас? – спросил дон Эрнандо.

– Так точно, ваша милость.

– Говорят, ты грамотен?

– Помаленьку царапаю, сеньор Эрнандо.

– Это хорошо. Это может пригодиться... Прикажи спустить на воду большую шлюпку. Гребцов шесть человек, двоих арбалетчиков. Оружие зарядить! Погрузить малый фальконет с тремя... нет с пятью зарядами.

– Ясно, ваша милость.

– Сеньоров Пуэртокарреру и Ордаса ко мне.

В этот момент на берегу вдруг замелькали факелы, со стороны крепости блеснуло пламя и через несколько мгновений в чуть проклюнувшихся сумерках громыхнул выстрел.

– Впрочем, займись шлюпкой. Немедленно на воду!

По сходному трапу, вслед за побежавшим по ступенькам Берналем Диасом, Кортес выбрался на палубу. Здесь уже было полно народу. Отдельно, двумя кучками, стояли офицеры. Та, где собрались люди губернатора, была заметно многочисленнее.

– Сеньоры Пуэртокаррера и Ордас, прошу следовать за мной, – приказал Кортес.

– Куда вы направляетесь? – выкрикнул Кристобаль де Охеда.

– За благословением, мой друг, за благословением, – усмехнулся Кортес.

Потом он обратился к лицензиату Ольмедо и патеру Диасу, которым было предписано сопровождать экспедицию и позаботиться о спасении индейцев.

– А вы, святые отцы, приступайте к обедне. Ветер попутный, не будем терять времени.

– Вы что, сеньор Кортес, – недоверчиво спросил Охеда, – всерьез рассчитываете получить «добро» на выход в море?

– Обязательно, мой друг, обязательно, – с той же усмешкой ответил Кортес и, натянув тонкие перчатки, принялся спускаться в шлюпку.

* * *

Гребцы работали слаженно, мощно. При каждом рывке мелкая волна дробью постукивала о днище.

Диего де Ордас время от времени бросал на Кортеса настороженные взгляды, ожидая от этого, сорвавшегося с цепи висельника – так между собой окрестили дон Эрнандо сторонники губернатора – самой невероятной выходки. Пуэртокаррера, молодой, излишне чернявый человек – у него даже брови срослись и вечно торчала щетина – сидел мрачный. Он поглаживал рукоять шпаги и угрюмо посматривал в сторону приближающегося берега, где в сумеречном полумраке уже просматривалась все прибывающая толпа.

Дон Эрнандо украдкой глянул на товарища. Алонсо пойдет за ним до конца. Он все поставил на карту, если понадобится, будет драться. Как раз этого нельзя допустить ни в коем случае. Нельзя также позволить Ордасу вмешаться в разговор с губернатором.

– Сеньор Ордас, – обратился к нему Кортес. – Вы, собственно, зачем подались в Вест-Индию? Я слышал, у вас есть связи при королевском дворе, да и здесь вы в чести у его превосходительства губернатора. Зачем вы решились принять участие в таком рискованном предприятии, как наша экспедиция?

– Связи связями, – буркнул Ордас, – но когда в кармане пусто, ничто не поможет.

Тут он опомнился – глупо было вступать в разговор с человеком, который уже фактически числится в преступниках, пусть даже формально он еще не снят с должности. Между собой сторонники губернатора уже делились соображениями, кто займет место Кортеса. Особенно злорадствовал Охеда... По мнению Ордаса, это было глупо. Если рассудить здраво, то предстоящая задержка экспедиции, связанная со следствием – а этого не избежать, так как Кортес не такой простак, каким прикидывается – никому из них не в радость. У Кортеса на руках веские козыри. В качестве капитан-генерала он вправе отдавать какие угодно приказания, касающиеся экспедиции. Не все ладно у губернатора и на Кубе, на Эспаньоле недоброжелателей у него тоже хватает. Они вцепятся в Веласкеса мертвой хваткой. Итак, задержка!.. Звуки этого слова мертвящей тоской отзывались в сердцах многих сторонников Веласкеса, особенно тех, кто внес свой пай в организацию экспедиции. Опять ожидание, безденежье, судорожные попытки расплатиться с долгами... Губернатор ни суальдо не возместит... С другой стороны, – Ордас был честен с собой – никому из местных, кроме Кортеса, не потянуть руководство такой экспедицией. Этот способен слишком много взять на себя. В таком рисковом деле это необходимое качество. Что случится, если командующим пришлют кого-нибудь со стороны? Ясно, что тот явится с многочисленной свитой. Тогда ему, Ордасу, не видать своей доли добычи, как своих ушей.

– Выходит, сеньор Ордас, – поинтересовался Кортес, – вы равнодушны к золоту? Я тоже. Однако честь, слава – для меня тоже не пустые звуки. Должен заметить, что эти награды никогда не достаются лентяям или людям с робким сердцем.

– В этом я всегда был согласен с вами, сеньор Кортес, – усмехнулся Ордас. – Но мне также известно, что такое присяга.

– Вот об этом я и веду речь. Надеюсь, вы согласны с тем, что находитесь в моем полном подчинении?

– Да, – выдавил Ордас, успевший прикусить язык на слове «пока».

– Вот я и приказываю вам сидеть и молчать.

– Но если это нанесет ущерб чести!..

– Всякие «если» потом, – прервал его Кортес, – а пока исполняйте приказ.

Ордас насутился, отвернулся, глянул в сторону берега.

Между тем заметно рассвело: еще несколько мгновений – и на востоке полыхнет солнечным светом. Наступит день... В этот момент на берегу появился губернатор – на коне въехал прямо в воду. Шпага нелепо торчит в сторону, весь он был какой-то взъерошенный. Толпа на пляже заметно прибывала, жители спешили посмотреть на невиданное зрелище. Бунт не бунт. И не мятеж... Что-то вроде торжественных проводов. Все вроде бы чинно, благородно. Разве что губернатор немного не в себе, и корабли, еще с вечера занимавшие места в гавани, теперь покачиваются на рейде. Почему кругом факелы?

Ордас поежился...

Шлюпка тем временем приблизилась к берегу на арбалетный выстрел.

– Суши весла! – неожиданно приказал Кортес. – Ближе не подплывать!

Суденышко заколыхалось на мелкой волне, несколько раз клюнуло носом, перевалилось с борта на борт и начало медленно дрейфовать вдоль берега.

– Вот как вы уходите, сеньор Кортес! – первым закричал Диего Веласкес и почему-то принялся махать шляпой – видно, хотел подозвать строптивого подчиненного поближе. – Нечего сказать, учтивая манера прощаться, – укоризненно добавил губернатор.

В этот момент в крепости гроыхнуло орудие. Залп был холостой, так как не было слышно воя пущенного ядра, и ахнувшая, отхлынувшая от берега толпа тут же вновь приблизилась к кромке едва наметившегося прибоя.

Этот выстрел обескуражил и самого губернатора.

– К чему такая спешка, кум? – уже более миролюбиво крикнул Веласкес.

– Простите, ваша милость, время не терпит. Бывают обстоятельства, когда лучше сделать шаг, а потом уже подумать. Сим, господин губернатор, объявляю, что я верный ваш слуга и полон благодарности за то, что вы в столь ранний час соизволили прибыть и проводить нас в дальний путь.

Тут же Кортес понизил голос и, обернувшись к гребцам, распорядился:

– Весла на воду! Навались!.. Держать на флагман.

Потом он вновь повернулся к берегу и крикнул:

– Ваша милость имеет еще какие-нибудь дополнительные приказания?

Матросы, до той секунды сидевшие с разинутыми ртами – никогда ранее им не доводилось видеть такое теплое прощание – сразу встрепнулись, приняли озабоченный вид и в лад, несколькими гребками развернув шлюпку, погнали ее к большому кораблю.

– Что? – взорвался губернатор. – Проводить?! Дать дополнительные указания?!

– Ясно, ваше превосходительство! – в ответ крикнул Кортес. – Я буду точно следовать данным вами наставлениям.

На берегу местный священник машинально осенил удалявшееся суденышко крестным знаменем.

– Святой отец! – закричал губернатор. – Вы-то что делаете? Кого благославляете?.. – он не договорил и вновь замахал шляпой.

В крепости опять раздался пушечный выстрел. Подобный салют Веласкес уже не мог вынести, тем более что в толпе раздались приветственные возгласы.

Губернатор как-то сразу сник, молча развернул коня и шагом поехал в сторону своей резиденции.

Повеселевший Кортес повернулся к Ордасу и дружески подмигнул ему.

– Так на чем мы остановились, сеньор Ордас? На верности присяге, не так ли?..

Говорил он громко – так, чтобы слышали гребцы.

– Вы кому присягали, сеньор Ордас? – спросил Кортес.

– Его католическому величеству, королю Испании, дону Карлосу первому, – ответил Ордас, потом поджал губы и ядовито вымолвил: – Я вас, сеньор Кортес, насквозь вижу. И не надо насчет присяги. Неужели вы надеетесь, что его милость, губернатор Фернандины, оставит этот ваш поступок без последствий?

– В этом вы как раз и ошибаетесь, – усмехнулся Кортес. Теперь и Пуэртокаррера заулыбался. – Разве я совершил что-нибудь противозаконное? Вы же ясно видели и слышали, что его превосходительство, губернатор Кубы Диего Веласкес де Леон дал нам «добро» на выход в море, а падре осенил нашу флотилию крестным знаменем. Я имею право расценивать слова губернатора как пожелание удачи и доброе напутствие.

Кто-то из аркебузирова не удержался и громыхнул баском.

– Попутного нам ветра...

Тут засмеялись все гребцы, а юнец Андерс де Талья вскочил и замахал беретом. Радостный рев ответил ему с кораблей.

– Ребята, – обратился к гребцам Кортес. – Теперь вперед за золотом. За славой? Возражающие есть?

– Не-ет!! – в один голос закричали солдаты.

– Это просто наглость! – воскликнул Ордас.

– Ошибаетесь, сеньор Ордас. Наглость – удел трусов, а это дерзость. Только храбрые способны дерзать. Наглец всегда тушует, встретив отпор, а смельчак готов ответить за свои слова. Послушайте, Диего, – после короткой паузы продолжил Кортес. – Я не буду в тонкостях разбирать, чем для вас лично могло бы грозить возвращение на берег. Тем более не хочу пугать

следствием, на котором вас спросят, почему мы смолчали, если поняли слова Веласкеса как приказ вернуться на берег. Был такой приказ? – в упор спросил Кортес.

– Нет, – так же глядя прямо ему в глаза, ответил Ордас.

– Значит, действуют прежние распоряжения?

– Да.

– Хвала Господу, разобрались.

– Но я не намерен лгать своим товарищам!.. Я...

– Я вас призываю лгать? – воскликнул Кортес. – Упаси Боже! Я за то, чтобы вы честно рассказали вашим – нет, нашим! – товарищам все, как было. Мы все теперь связаны одной целью, среди нас не должно быть ни наших, ни ваших. – Тут он опять немного помолчал, затем спросил: – Как вы считаете, будет губернатор доверять вам после этого происшествия?

Ордас промолчал. Ох, и бестия, этот Кортес. Кто же знал, чем обернется дело? Сам Веласкес растерялся, а уж он подавно был связан приказом молчать. Теперь этот выскочка задает риторические вопросы. Значит...

– Значит, пришло время забыть о том, что мы оставили за спиной. – Кортес выпрямился, голос его покрепчал. – Пришел час взглянуть туда, – он ткнул пальцем в зыбкую тьму, еще густеющую на западе. Там еще притухали сумерки... Все невольно обернулись в ту сторону, в этот миг солнце встало у них за спиной. Полыхнуло так, что воды разом загорелись золотистым светом. Разом грянул хор птиц в мангровых зарослях на берегу.

– Пришел час глянуть вперед, – продолжил Кортес тем же звенящим голосом. – Там нас ждут сокровища, которые не снились царям древности. Там нас ждет слава и прощение грехов. Ребята, вы жаждете славы?

– Да! – заревели все разом.

– Вы жаждете золота?

– Да!! – еще яростнее закричали гребцы.

На их вопль эхом ответил рев с кораблей.

– А вы, Ордас? – спросил дон Эрнандо.

– Да-а! Да-а! – не удержался Ордас.

Тут вскочил Пуэртокаррера, принялся махать оперенной шляпой. Был он в кирасе, простеньких доспехах. Как отметил про себя Кортес, кожаные ремни, придерживающие левый налокотник, совсем истерлись. Впрочем, на правом вообще одной завязки не хватало. Потом капитан-генерал вновь обратился к Ордасу.

– Вот и скажите нашим товарищам, что надо смотреть вперед и не надо оглядываться назад.

– Ох, и бестия вы, Кортес! – не удержался от улыбки Ордас. – Как это я вас раньше не разглядел? Сколько вы дров наломали!

– Кровь играла, – просто ответил дон Эрнандо. – Хотел все сразу, а так не бывает, – он на мгновение примолк, задумался. – Хотя, наверное, бывает. Но редко. Надо запастись терпением...

– Но ведь мы же плывем к дьяволу в пасть! – яростно воскликнул Ордас. – Как вы намереваетесь поступить? У вас, наверное, и плана кампании нет!

– Нет, – согласился Кортес. – Но у меня есть нечто более важное.

– Что же именно? – поинтересовался Ордас.

– Я знаю людей.

Глава 2

Мои сподвижники, принимавшие участие в походе на столицу ацтеков Теночтитлан – теперь их, говорят, осталось не более двух десятков человек – а также королевские летописцы и чиновники из Совета по делам Индий полагают, что начало великого предприятия следует отнести к 1517 году, когда экспедиция Кордовы отправилась на запад и наткнулась на новую землю, которую теперь называют полуостровом Юкатан. Они ошибаются... Почин был положен в тот день, когда я, шестнадцатилетний юнец, прибыл на каникулы из Саламанкского университета и заявил родителям, что больше ноги моей не будет в этом богоугодном заведении.

Отец мой, Мартин Кортес де Монрой, был капитаном королевской армии. Он был храбрый вояка, однако в ту пору в Испании храбрых вояк расплодилось великое множество. В удел отцу достался небольшой кусок земли в Эстремадуре – это была большая удача, хотя этого сокровища едва хватало на то, чтобы прокормить семью. О том, чтобы с его помощью выбиться в люди, нельзя было и мечтать. Другое дело, доказывал отец, юридическое поприще. Теперь, с окончанием Реконкисты для ученого законника открываются куда более богатые возможности. Тут и маменька вступила в разговор, принялась уверять, каким хилым, готовым каждую минуту отдать душу Богу ребенком я родился. Мне ли мечтать о военной карьере?..

Я настоял на своем и пригрозил сбежать в Италию к полководцу Гонсало Фернандесу де Кордова, если меня заставят вернуться в Саламанку. Великий капитан в ту пору воевал Неаполитанское королевство, и я поклялся непременно записаться в наемники.

На жизнь я смотрел жадными глазами и верил, что свою дорогу следует прокладывать с помощью шпаги, тем более что с годами я выправился, раздобыл и теперь не хвалясь могу сказать, что мне даже в молодости не было равных в искусстве владения холодным оружием. В ту пору я был не чужд и возвышенных размышлений – по этим вопросам мы много спорили в университете с лиценциатом Сауседой, который, в конце концов, сумел убедить меня, что Господь Бог создал человека как меру всех вещей. При этом он предлагал разбить эту мысль на два тезиса. Первый – «Бог создал человека» – полагался бесспорным. Второй же требовал доказательств, добыть которые можно было только, осуществив предначертанное тебе. То есть добившись успеха в жизни... Невзирая ни на какие обстоятельства, ни на какие установления – одним словом, не считаясь ни с чем! Вот почему, уверял он, жить радостно. Вот зачем создан этот мир! Смысл в том, чтобы утолить жажду ощущений. Чем они обильнее, тем полнее слияние с Господом нашим, который, глядя на человека, должен испытать удовлетворение, что созданное им – прекрасно. Для достижения этой цели необходимо было овладеть всеми качествами благовоспитанного человека. Прежде всего следует красиво драться на шпагах, изящно ездить на лошади, изысканно танцевать, всегда приятно и вежливо говорить и даже изощренно ораторствовать, владеть музыкальными инструментами, никогда не быть искусственным, но всегда только простым и естественным, до мозга костей светским и в глубине души верующим.

Кое-что из этих новомодных, дошедших из Италии веяний, я принял, однако, будучи трезво мыслящим молодым человеком – испанцем, наконец! – полагал, что все эти достоинства стоят изрядных денег, которые добыть мне, выходцу пусть даже из древнего и благородного, но обнищавшего рода, на родине не удастся. Слава ждала меня в заморских краях, куда толпами устремились мои соотечественники – от сопливых юнцов до убежденных седидами мужей. Все, кто умел ловко обращаться со шпагой, в чьих карманах свистел ветер, бросились в Новый Свет ловить птицу-удачу. Как я, воспитанный на рассказах о подвигах Сиды Кампеадора или Эрнандо Переса де Пульгара, который с пятнадцатью рыцарями проник в набитую осажденными маврами Гранаду и прибил свой щит на воротах мечети, – мог усидеть на месте?

В конце концов отец записал меня в свой полк и по моей настойчивой просьбе дал рекомендательное письмо к командору Овандо, который в те поры собирал экспедицию в Вест-

Индию. Я явился в Севилью, в полк, нанес визит сеньору Овандо, однако судьбе было угодно, чтобы к месту своей будущей славы я добрался, получив несколько хороших оплеух, которыми удача так щедро одаривает любителей приключений. Перед самой отправкой в Новый Свет меня угораздило свалиться со стены, которая преграждала мне доступ к даме сердца. Падение кончилось серьезным вывихом ноги, я слег в постель. Флотилия отправилась без меня. Отлежавшись, я едва не умер от тоски – никакая страсть или какое-нибудь иное побочное обстоятельство не могло оправдать потерю драгоценного времени. Ведь мне в ту пору шел семнадцатый год!

* * *

На приглашение слуги пожаловать к ужину дон Эрнандо, оторвавшись от раздумий, ответил, чтобы ему накрыли здесь, у окна, за верхней гранью которого показалось солнце. День клонился к вечеру, было тихо. Мясистый, разросшийся – выше человеческого роста – маис бесстыдно покачивал королевским убором. Приказать, чтобы его срезали? Глупо. Тем более что прислуга в последнее время страшно обленилась, придется десять раз повторять одно и то же. Никакого почтения к заслуженной старости. Им, местным, все равно кому служить. Все они проныры и пройдохи... То ли дело – годы его молодости. В ту пору слуги носились, как ласточки, никому не надо было дважды повторять. Я уж не говорю о честности и добропорядочности. Ну их!..

* * *

Трудно мне пришлось в те дни. Хандру сумел переломить с помощью простенького рассуждения – сколько ни валяйся, а вставать придется. К тому же этак недолго и навыки в фехтовании потерять! После отплытия Овандо я принялся усиленно упражняться во владении мечом и шпагой. С коня не слезал, наловчился мастерски орудовать копьем, преуспел также в мастерстве лазания по стенам и проникновения в спальни прекрасных дам. Во всех этих искусствах я добился заметных успехов.

Второй урок мне преподнес некий купец из Севильи Алонсо Кинтеро, на корабле которого в составе купеческого каравана я наконец отправился в Вест-Индию.

Все торговые суда и военные корабли были забиты подобными мне, охочими до славы и золота идалго, кабальеро, эскудеро¹¹, а также простым людом. Кинтеро среди всей этой ватаги являлся редкостным по неумности и невезучести экземпляром. Более неудачливого пройдохи я не встречал. Мозг его не знал отдыха, он постоянно пребывал в задумчивости, морщил лоб, без конца составлял планы, как половчее объегорить ближнего своего и тут же делился ими со мной, желая получить одобрение у такого важного молодого человека, каким я ему представлялся. В первый раз из него плеснуло отчаянной решимостью на Канарских островах, где он ночью, украдкой снялся с якоря и, желая первым добраться до Эспаньолы и повыгоднее продать свои товары, вышел в море. Уже к вечеру того же дня наш корабль попал в жесточайший шторм, лишился мачты, так что бедняге пришлось вернуться. Сердобольные товарищи согласились подождать, пока судно будет отремонтировано. Немного оправившись, он опять начал морщить лоб и с нескрываемой насмешкой поглядывать на соседние каравеллы. Както ночью он вновь удрал от каравана, опять попал в бурю, потом мы долго не могли поймать попутный ветер, сбились с курса и попали на Эспаньолу, когда его товарищи уже успели распродать свои товары.

¹¹ Кабальеро – представитель среднего дворянства; идалго – мелкопоместного; эскудеро – самый низший класс этого сословия, так обычно называли пажей знатных вельмож.

На острове я первым делом отправился в резиденцию губернатора. К сожалению, Овандо не оказалось на месте – он был в походе. Меня принял его секретарь, мы с ним мило поговорили. Он обещал, что землю мне выдадут без всякой проволочки. Как будто я стремился через океан, чтобы рыться в земле, как мужик! Я нуждался в золоте!..

Эти слова пришлись по вкусу секретарю, мы подружились. С приездом Овандо и место устроилось – меня назначили нотариусом в селение Асуа. Жизнь постепенно налаживалась, меня принимали в обществе. Не отказывался я принять участие и в экспедициях по захвату и усмирению индейцев. Солдаты наглядно объясняли им, что милость короля не может изливаться безвозмездно, следовательно, следует хорошенько потрудиться на золотых рудниках и приисках, а также в энкомьендах¹², к которым индейцы были приписаны. Уже тогда неоправданная суровость воспитательных мер, а порой и откровенная, бессмысленная жестокость претили мне.

Страсть к пролитию крови всегда выглядит отвратительно. Только разум способен обуздать этот грех. Однако среди всех видов мучительства наиболее кошунственно выглядят человеческие жертвоприношения, когда кровь начинают пускать для того, чтобы умиловить мерзких языческих идолов. Подобные обряды были в особой чести у ацтеков. Мотекухсома однажды признался, что по случаю какого-то языческого праздника принес в жертву разом двенадцать тысяч человек!

...Сидение на Эспаньоле, затем на Кубе не прошли для меня даром. Сначала я близко сошелся с вновь назначенным губернатором Кубы Диего Веласкесом, потом вследствие известных событий мы рассорились и помирились только, когда я согласился сделать предложение Каталине Хуане Маркайдо, старшей сестре которой оказывал особые знаки внимания сам Веласкес. Губернатору мало было управлять Фернандиной, он еще желал царствовать, насаждать добродетельные взгляды, оказывать покровительство... Что ж, я пошел у него на поводу – занялся сельским хозяйством, первым принялся разводить на острове домашний скот, взялся за намыв золота, что тоже приносило изрядный доход. Вскоре Веласкес, вновь подобревший ко мне и без стеснения, прилюдно называвший меня «кумом», назначил меня комендантом Сантьяго. Так я начал зарастать мхом, покрываться шелухой скуки.

Всех нас разбудил Фернандо Кордова, открывший на западе огромный остров, названный им Рика. Впоследствии выяснилось, что это полуостров, имя ему дали Юкатан. Кордову я знал лично – это был смелый рассудительный человек, всегда готовый ловить и резать индейцев. В плавание он отправился с целью отыскать на новых землях жаждущих работать на плантациях и рудниках дикарей. В случае, если у них не обнаружится такого желания, Кордова мог воспользоваться охотничьими собаками и солдатами.

Бурей корабли Кордовы были отнесены к желтым откосам Юкатана – там они впервые увидели посреди морской глади огромное здание. Оно имело форму квадрата и ступенями поднималось прямо из воды. На вершине пирамиды была устроена площадка, вся испачканная засохшей кровью. Там же помещался свирепый идол, в бока которого вгрызались какие-то жуткие хищные твари из камня. Рядом лежала толстая, свернувшаяся кольцами каменная змея, заглатывающая громадного зверя, видом напоминающего тигра.

Еще большее изумление у команды вызвал город, раскинувшийся напротив капища, на противоположном, пологом берегу пролива. Золота там оказалось мало и все низкопробное, однако в направлении на полночь, по утверждениям местных касиков, лежала страна, где благородными металлами мостят дороги и устилают пешеходные дорожки.

Этого известия хватило, чтобы жители Сантьяго обезумели. Первым потерял голову сам Диего Веласкес. Никто не обратил внимания на невразумительность сообщения. Что значит «на полночь»? Ясно, что на север, но сколько дней пути до этой волшебной страны. Как труден

¹² Энкомьендо – особого рода поместье, которое получали испанские колонисты на вновь открываемых землях.

путь? Сильна ли она? Ответов не было – бедняга Кордова сразу по прибытии скончался от ран, полученных в стычке с индейцами.

В апреле 1517 года в море ушел Хуан де Грихальва. Этому повезло больше, однако ему не хватило дерзости довести дело до конца и, вернувшись на Кубу, он получил обидный нагоняй от Веласкеса, чье самодурство особенно выпукло проявилось в этом случае.

В те дни, когда Грихальва привез золота на тысячи дукатов, встал вопрос об организации новой экспедиции к берегам Эльдорадо. Мог ли я упустить такую возможность?

Глава 3

Все сомнения исчезли, когда в ясных предутренних сумерках, на пологом берегу Юкатана, в прогалах тумана, который после бурной штормовой ночи клочьями относил к земле, – открылся город, размерами и блеском превосходивший Севилью. Впереди по курсу уже отчетливо просматривались желтоватые известняковые откосы выступающего в море мыса, а по правую руку смутно вырисовывались очертания острова Косумель. Там был назначен сбор флотилии... Дон Эрнандо только мельком повел подзорной трубой в ту сторону, потом вновь навел оптический прибор на удивительный город.

Это обиталище ничем не походило на первобытные селения туземцев, в которых ему доводилось бывать на Кубе и Эспаньоле – следовательно ни о каких облавах, которые колонисты устраивали на индейцев на тех благословенных островах, и речи быть не может. Борьба предстояла трудная, не на жизнь, а на смерть. Пути назад не было – надежды на быстрое нахождения золота и плодородных земель, с помощью которых можно было бы откупиться от Диего Веласкеса, растворились бесследно. Кортес невольно оторвал глаз от окуляра, поморгал, глянул вверх – легкое облачко стремительно таяло в бирюзовом светлеющем небе. Не его ли птица-удача этот тончайший клочок тумана?

Вновь обратившись к пейзажу за кормой, наблюдая в подзорную трубу гигантские ступенчатые пирамиды – сама высокая вздымала к небу одиннадцать ярусов, по ним впору было шагать великанам, – он внезапно ощутил гулкую пустоту в душе. Страх не было, изумление приглушило его. До этого момента он не очень-то доверял рассказам господ офицеров и солдат, участников экспедиций Кордовы и Грихальвы, их немного наивным и пылким признаниям, что при виде подобных сооружений они потеряли дар речи. Признавались они в этом легко, даже весело, без тени страха. Кортес усмехнулся – такие это были люди, выросшие в борьбе с куда более могучим и ужасным противником, каким были мавры. Из века в век их прадеды, деды и отцы вели борьбы с неверными. Умение воевать было у них в крови, владение оружием было им в охотку. Смыслом их жизни было утверждение истинной веры – не крестом, так мечом, разницы не было. Тем более в этих заморских краях. Разумеется, они жаждали золота, мечтали грести его лопатами... Затаив дыхание, слушали рассказы бывалых, пронырливых людей, которые клялись и божились, что своими глазами видели улицы, устланные листьями из золота, вот такие же пирамиды, сверху донизу облицованные кирпичами из серебра...

* * *

Золото было желанным – и обязательным! – добавком, особенно для тех, кто первыми распахнул дверь в Новый Свет. И все-таки брани с туземцами казались им скорее крестовыми походами, продолжением той священной войны, которую вели их предки, с магометанами, чем походами за добычей. Они поднимали оружие на язычников!.. Забота о душах индейцев открывала путь к собственному спасению. Обращение на путь истины хотя бы одного, погрязшего в язычестве, туземца могло списать великое множество собственных грехов.

Это мнение являлось общепринятым, его разделяло большинство здравомыслящих конкистадоров, исключая отъявленных бандитов и негодяев. Правда, попадались и такие, как патер Лас Касас, которые всерьез начинали задумываться над тем, что постыдно губить индейцев. Они точно такие же люди, как и племя кастильцев, и поэтому мало заботиться только об их вере. Их следует признать равными себе. Позаботиться об их нравственности, воспитании, образовании, наконец. Подданные его величества, католического короля дона Карлоса по отношению к Спасителю нашему, Иисусу Христу не могут делиться на два разряда. Все мы обладаем равными правами перед Господом. Дон Эрнандо считал подобные настроения

несвоевременными. В ту пору, когда они спорили с Лас Касасом на эту тему, Кортес был слишком беден, чтобы смочь думать по-своему, жить по-своему. Нищему на этой грешной земле не дано вкушать тех сокровищ, которые дарует разумным тварям жизнь. Все, что ему дозволено, это бесплатно вдыхать воздух, пользоваться на дармовщинку ключевой водой, ютиться в холодной лачуге – за все остальное надо платить. Тот, кто не владеет золотом, не вправе рассуждать о заоблачных высотах. Мирянину не дозволено читать Библию, тем более толковать ее – на том держалась святая римская церковь.

* * *

...Каменные ограды вокруг пирамид сложены из гладко отесанных блоков. На ближайшей к морю стене заметны следы красок: охры, голубой, желтой, зеленой. На морском берегу, у самого края мангровых зарослей, были выставлены каменные стелы в три, а то и в четыре человеческих роста. Сверху донизу они были покрыты резьбой – на передней плоскости одной из них Кортес сумел разглядеть резные очертания человеческой фигуры. Алтари на вершинах пирамид были испещрены изображениями отвратительных змеиных голов, скалились какие-то жуткие рожи, невиданные, похожие на ужасных львов, звери совершали ритуальные шествия. В ожидании восхода по крутой лестнице на вершину одной из пирамид взбиралась процессия – солдаты рассказывают, что именно там они безжалостно режут свои жертвы...

Вот еще от чего стало трепетно на душе – чем в предстоящем походе могло помочь ему знание человеческой натуры? И вообще, люди ли они? Судя по индейцу Мельчорехо, местному уроженцу, которого захватили в плен солдаты Грихальвы, должно быть, люди. По крайней мере, Мельчорехо кажется человеком. Только гадким каким-то, мелкотравчатым... Одним словом, поганка, а не человек. К тому же туп, как деревяшка – за все это время едва выучил несколько фраз на кастильском. Все ли туземцы здесь таковы? С какой стороны за них взяться? И покруче!.. В этом желании не было ничего личного, ничего корыстного – такова воля Господа. Он, дон Эрнандо, всего лишь его покорный исполнитель, и награду получит по заслугам. Как же иначе? Его долг – честно и до конца следовать девизу, который написан на черном бархатном, расшитом золотом, с красным крестом, от которого отходят белые и голубые лучи, знамени. Его личном штандарте...

«Друзья, последуем за крестом – вера в это знамение доставит нам победу!»

Кормчий Аламинос, повеселевший после шторма, поднялся на кормовое возвышение, махнул рукой в сторону исчезающего в густеющей дымке города.

– Мы уже проплывали здесь с Грихальвой. Народ тогда выбежал на берег, начали размахивать черными полотнищами. Пристать, что ли, призывали?.. Не знаю... Только Грихальва приставать не решился. При таком свежаке отсюда до острова Косумель несколько часов хода. К полудню доберемся.

В этот момент с первыми солнечными лучами юнги на палубе грянули: «Благословен будь, свет дневной». Кортес сложил трубу и коротко распорядился.

– Поспешите, Аламинос, нам нельзя терять время.

* * *

Весь недолгий путь вдоль побережья Кубы, от Сантьяго до Тринидада с заходом в Макаку, где Кортес приказал конфисковать запасы продовольствия в поместье, принадлежащем короне (он назвал это «королевским займом»), ему не давали покоя отрывочность и недостаток сведений о тех землях, куда они направлялись. Побережье Юкатана было обследовано только с южной, восточной и северной сторон. Аламинос, например, уверял, что Юкатан – остров, однако никаких вразумительных доводов в защиту своего утверждения привести не мог.

После сражения возле города Чампотона на северном побережье Юкатана Кордова вернулся на Кубу. В том бою он положил двадцать человек, более полусотни было ранено. Сам он уже на Кубе скончался от полученных ран.

Грихальва сумел подняться на несколько десятков лиг¹³ дальше, до устья реки Табаско. Здесь, на Табаско, его встретили вполне дружелюбно. Золота, которым местные касики одарили испанцев и которое было получено в обмен, оказалось на двадцать тысяч кастельяно. Там же впервые, как утверждают участники похода, они услышали о стране «Culua» или «Mexico», откуда к туземцам поступал драгоценный металл. В той стране много курящихся гор, там обитают боги. Туземные, конечно. Кровожадные и ненасытные... Затем Грихальва отправился еще дальше на север. Сначала местные индейцы повсюду были настроены миролюбиво, даже одарили его большими курами, которых испанцы называют «зобатыми»¹⁴, затем вдруг впали в воинственный пыл. Произошло сражение, в котором был ранен сам капитан-генерал и около шести десятков его людей. В дальнейшем дон Хуан де Грихальва уже не отваживался высаживаться на берег.

В чем причина поражений Кордовы и Грихальвы – вот над чем стоило поломать голову. Какой линии следовало придерживаться в этих краях? Эти вопросы не давали покоя дону Эрнандо. Было ясно, что решающее сражение – теперь совершенно очевидно, что без него не обойтись – следует оттянуть на возможно более длительный срок. Трудность заключалась в другом – сумеет ли он удержаться на своем посту до этого решающего события? Нельзя допустить раскола в собственных рядах, необходимо напрочь искоренить корни возможного бунта. Но и с этим спешить нельзя! Прежде всего, необходимо запастись как можно большим количеством провианта. Люди должны быть сыты – это первейшее условие! Тогда на них можно положиться, тогда только можно ожидать точного выполнения приказа, поддержания дисциплины на должном уровне. Как говорит Берналь Диас – когда брюхо сыто, половина горя с плеч. Эти ребята воевать умеют. Тот же Диас... Толковый парень, несмотря на то что является дальним родственником или земляком Диего Веласкеса. Храбрый солдат, рассуждает здраво, мыслит просто и смело, к дисциплине приучен. Грамотен... Уверяет, что атаку нашей пехоты индейцы выдержать не в состоянии. Посоветовал отпустить всем бороды, для туземцев бородатые люди – ошеломляющая невидаль. Какого-то бога они им напоминают. Какого?.. Кто бы мог растолковать? Хохочет, когда рассказывает, что у дикарей при виде наших лошадей и огнестрельного оружия начинают поджилки трястись. Педро де Альварадо – или, как его прозвали в отряде, «красавчик» – предложил заранее пошить хлопчатобумажные кафтаны, которые вполне способны защитить воинов от стрел, которые, собственно, только и могут причинить вред нашим солдатам. Воевать в доспехах в тех местах жарковато.

Вообще, с набором людей в Тринидаде Кортесу повезло. Около сотни отчаянных храбрых, участников похода Грихальвы, отдохавшие в тех местах, записались в войско. Среди них были и благородные идалго – тот же Педро де Альварадо с братьями, Кристоаль де Олид, Алонсо Авила, Хуан Веласкес де Леон, родственник губернатора, Гонсало де Сандоваль...

Между тем губернатор Кубы никак не мог успокоиться. Он прислал в Тринидад старшему алькальду¹⁵, своему шурину Франсиско Вердуго приказ сместить Кортеса и задержать экспедицию до выяснения всех обстоятельств. Растерявшийся Вердуго, получив предписание, решил посоветоваться с Диего Ордасом как наиболее близким к губернатору человеком. Тот, услышав о задержке и сообразив, чем это пахнет для него лично, помчался к Кортесу. Дон Эрнандо спокойно выслушал его и ничем не выдал радости – хвала Господу, губернатор, кажется, совсем потерял остатки разума, если упоминает о задержке! Капитан-генерал тут же собрал господ

¹³ Лига – примерно 5,5 км.

¹⁴ Так испанцы называли индеек.

¹⁵ Алькальд – городской голова.

офицеров, на котором твердо заявил, что не намерен сдавать командование. Ни под каким видом! Тем более что никакой вины за собой он не знает, разве что иногда дает некоторые поправки подчиненным. В подтверждение своих слов он зачитал пункты наставлений, которые получил от губернатора. Все предписанное он исполнял в точности, действовал в рамках закона и обычая. Даже захват беспалубной бригаантины торговца Хуана Седеньо, которые вез с Ямайки хлеб и сало на кубинские рудники, нельзя считать пиратством, так как вышеозначенный Седеньо вместе с экипажем после доверительного разговора с капитан-генералом испытывал горячее желание принять участие в таком богоугодном деле, как их славный поход. Охеда язвительно заметил, что бедному торговцу, лишившемуся всего груза, ничего другого не оставалось, однако дон Эрнандо спокойно заявил, что в таком опасном, одобренном королевскими властями на Эспаньоле предприятии он не может допустить, чтобы его храбрые солдаты голодали.

Что касалось других параграфов, среди коих на первом месте значилась проверка слухов об испанцах, подданных короны, томящихся у туземцев в неволе, далее разведка и по возможности точное навигационное описание побережья к северу от Юкатана, налаживание связей с местным населением, сбор сведений о них, поиск проходов в Амазонку – страну, населенную отважными женщинами-воительницами и богатую золотом, а также в неизведанный край «Мехисо», где, по всем данным, расположено долгожданное Эльдorado – капитан-генерал подтвердил, что будет неукоснительно соблюдать все указанные пункты. Особенно те, где говорится о правомочности применения чрезвычайных мер для создания запаса вооружения и провианта.

Потом он вновь вернулся к вопросу о поправках и послаблениях. Этот недостаток, объявил Кортес, глядя на Охеду, он постарается исправить в самое ближайшее время. Он сумеет поставить дисциплину на должную высоту. Власть и решительности у него достанет.

Поговорить с Вердуго, по общему мнению, следовало Диего де Ордасу. Он дружески побеседовал с Франсиско, сообщил, что ничего предосудительного в поступках капитан-генерала не заметил. Потом напомнил алькальду, как много недругов у Веласкеса на Кубе, особенно после того, как тот попробовал устроить передел собственности. Недруги губернатора так и ждут, когда же Веласкес оступится, а в деле с Кортесом Диего, по-видимому, совсем потерял голову. Стоит только солдатам узнать о попытке сместить Кортеса, о предстоящей задержке экспедиции, они разнесут весь Тринидад к чертовой матери.

Вердуго со страха замахал на приятеля руками – он сам все понимает, но как об этом сообщить губернатору? Вот так и сообщить, посоветовал Ордас, при этом добавить, что для усмирения возможного бунта необходима военная сила, каковой у вас нет. Впрочем, как и у самого Веласкеса – большинство мужчин, владеющих оружием, записались в войско к Кортесу.

– Ох, Диего, Диего, – посетовал Вердуго, – должен признаться, я восхищаюсь доном Эрнандо. Это такой ловкач, каких свет не видывал. Слыхали, какую шутку он сыграл с городскими кузнецами? Кортес заказал им большую партию наконечников для пик и арбалетных стрел.

– В долг, конечно, – усмехнувшись спросил Ордас.

– Конечно, в долг, – вновь замахал руками Вердуго, – но не в этом дело. Кортес предложил им получить плату за свою работу, знаете с кого? С индейцев! Что вы думаете – эти болваны все, как один, завербовались в его отряд. То же самое сотворили и корабельные плотники!.. Люди помешались на золоте, все желают поучаствовать в дележке добычи. Никакого золота еще нет в помине, а они уже считают доходы. Как вам это нравится?

– Это еще что! – отозвался Ордас. – Его дружок Пуэртокаррера приглядел у кого-то из местных прекрасную чалую кобылу, отличного боевика. Встретив хозяина в городе верхом на коне, он поделился с Кортесом своей мечтой. Тот, недолго думая, срезал со своего новенького, роскошного камзола галуны из золота и предложил их владельцу за скакуна. Плата была не

велика, но они сторговались!.. Пуэртокаррера прискакал в гавань на этом скакуне, все солдаты и моряки сбежались поглазеть на коня...

– Я и говорю, люди с ума посходили. Ладно, всякая рвань, но мастеровые...

Диего де Ордас поиграл бровями.

– Пока ему отчаянно везет, в нашем деле это первейшее достоинство. К тому же разумен – хотя держит дистанцию, но сверх меры не заносится. Франсиско, если рассуждать здраво, следует согласиться, что он пока ни разу не споткнулся. Вот когда промахнется... Напиши губернатору, что мы не спускаем с него глаз.

* * *

История повторилась и в поселке Сан-Кристобаль на северном побережье Кубы. Ныне это местечко называется Гавана. Местный вице-губернатору, очарованный Кортесом, получив приказ арестовать Кортеса и доставить под конвоем в Сантьяго, ответил, что захватить вождя среди преданной ему армии – бессмысленное и опасное дело.

Здесь к экспедиции присоединились Диего де Сота (но не Рохас Богатый), Франсиско де Монтехо и Хуан де Нахара (который не Глухарь).

К началу февраля вся флотилия за исключением кораблей под командованием Диего де Ордаса и Педро де Альварадо, заранее посланных к побережью Юкатана, к острову Косумель, где была назначено место встречи, – собрались у мыса Сан-Антонио. Здесь капитан-генерал обратился к войску с напутственной речью.

«...великая награда, – в заключение сказал он, – ждет вас. Но ее можно приобрести только беспрестанными и упорными трудами. Только тяжкими усилиями свершаются замечательные деяния. Слава никогда не была уделом лентяев. Я сам работал неутомимо и отдал на это предприятие все, что у меня было – и все из любви к славе, потому что это – благороднейшая награда для человека. Если же кто из вас предпочитает славе звонкую монету, то и это достижимо. Будьте только верны мне, и я сделаю вас обладателями сокровищ, каких свет не видывал, какие и во снах не могут привидеться вашим соотечественникам.

Нас мало числом, но мы сильны духом. Если вы не дрогнете в бою, то будьте уверены – Всевышний, никогда доселе не оставлявший испанцев без помощи в боях с неверными, и теперь защитит вас. Наше дело – дело правое. Осененные крестом идете вы в сражение...»

Слушали его молча, с угрюмыми, словно окаменевшими лицами. Над океаном во всю ширь вставала заря. Лиценциат Диас и отец Ольмедо сразу после окончания речи командующего грянули «Te deum». Солдаты и матросы подхватили разом. Выражения лиц их не изменилось, только кое у кого по обветренным, загорелым щекам потекли слезы. Капли терялись в бородах, легкие полнились под напором свежего ветра, так отчаянно задувавшего с востока. Золотые, с красными полосами по краям, украшенные королевскими коронами флаги; белые, с изображениями орлов, красные, с крестами; яркие штандарты гулко захлопали на мачтах; затрепетали вымпелы. Матросы помчались по вантам – скоро широкие паруса наполнились ветром, вода обильно, с шумом потекла вдоль бортов.

Корабли взяли курс на запад...

* * *

Первым делом, добравшись до острова Косумель, Кортес выслушал доклады старших офицеров и капитанов кораблей о повреждениях, полученных во время шторма, о времени, потребном на ремонт. Невозмутимо принял известие, что малая каравелла под командой Франсиско Морлы, камердинера губернатора Диего Веласкеса, до сих пор не прибыла к назначенному месту сбора. Потом Педро де Альварадо шутя рассказал о совершенном им по вра-

жеской территории рейде. Командующий помрачнел и напомнил – угоном людей и отнятием имущества дело мира утверждается худо. На что беспечный Альварадо воскликнул:

– Великое дело, кур захватили! К тому же я приказал взять только сорок штук и ни единой птицей больше. Поселок оказался брошенным... Ну, солдаты, конечно, обследовали хижины и языческие кумирни. Добычи – мизер! Какие-то, похожие на бумазейные, коврики да несколько коробок с мелочью. Ничего серьезного...

– Людей в полон взяли? – так же спокойно спросил капитан-генерал.

– Какие там люди! Туземная баба да два старика... – ответил Альварадо и вытер пот с лица.

Здесь под сенью пальм, в безветрии, уже ощущалась влажная томительная духота. Над верхушками палаток просматривалось ярчайшей бирюзы море, над которым едва заметными в дрожащем воздухе горбами вставали холмы материка. Педро де Альварадо был высок, жилист, не лишен звериной грации. Волосы светлые, кудрявые, борода с рыжинкой, голубые глаза – он был очень хорош собой. Правда, беспечен не в меру, однако, к удивлению Кортеса, особой хвастливостью не отличался, хотя эти пороки, по мнению дона Эрнандо, обязаны были сочетаться. По свидетельству очевидцев, в бою Альварадо вел себя отважно и, главное, надежно. Приказы исполнял неукоснительно, себя не щадил. Вот разве что какая-то патологическая жестокость, с какой он обращался с индейцами, внушала сомнения в рыцарском строе мыслей этого любителя приключений. Причем срывался он внезапно. Ни с того, ни с сего вдруг впадал в неукротимый гнев и кровожадность. В такие минуты он был страшен. К тому же еще не очень сведущ в дисциплине, раз позволил себе вопреки запрету совершить «рейд» по местным индейским селениям. С этим надо было кончать сразу и бесповоротно.

– Сеньор Альварадо, – тихим голосом приказал капитан-генерал, – извольте распорядиться, чтобы все, что было унесено из селения, было немедленно собрано. Пленных привести сюда – надеюсь, никому не пришлось в голову нанести ущерб женщине?

– Да что вы? – развел руками обескураженный Альварадо, почуявший неладное.

– Сами отправляйтесь на корабль под домашний арест. На двое суток... В следующий раз на вас будет произведен вычет в счет вашей доли добычи. Мы сюда явились не за ковриками и курами! Ступайте!..

Подобный нагоняй на славного офицера, ветерана похода Грихальвы, произвел неприятное впечатление. Тут еще Кортес приказал подвергнуть телесному наказанию матроса, которого уличили не только в краже шматка сала у одного из солдат, но и в присвоении запеченной на углях трофейной курицы. Молодежь начала шушукаться, однако ветераны помалкивали. На все вопросы, возмущенные замечания новобранцев, они только пожимали плечами, как бы говоря – поживем-увидим. Однако туземные коврики, золотые безделушки из низкопробного золота, две старика и индейская баба были доставлены быстро и беспрекословно.

Вот когда Кортес не смог сдержать гнев – выругался длинно и витиевато. Он едва удержался, чтобы не пнуть ногой толмача Мельчорехо. И пнул бы, если бы не решил, что это нанесет ущерб его чести. Неудача с этим тупицей связывала его по рукам и ногам. Без языка, в чужой стране, среди чуждого народа, способного строить такие города – это была настоящая беда! Мельчорехо и старики-туземцы изъяснялись на одном языке, однако в изложении Мельчорехо понять, что лопотали трясущиеся от страха – оба в набедренных повязках с пропущенными вперед концами материи – индейцы можно было с трудом. В основном изъяснялись на языке жестов, таким способом дон Эрнандо и сам мог объясниться с пленниками. Кое-как удалось втолковать старикам, что бородатые люди хотят мира и желают поговорить с их вождем. Пусть старики и женщина возвращаются к своим и заберут все, что было по недоразумению взято в поселке. Кроме кур... Кортес с сожалением развел руками – кур уже не вернешь. Поздно... Как же объяснить? Он сказал, обращаясь к переводчику – скажи, что кур уже съели. Тот, постоянно заискивающе и жалко улыбавшийся, вдруг расцвел и принялся с гроз-

ным видом что-то объяснять местным жителям. Те принялись кивать, потом один из них робко взглянул на капитан-генерала и робко развел руками. Точь-в-точь, как Кортес. Тот вздохнул с облегчением – хвала Господу, договорились!

Так же через пень колоду приходилось объясняться и с местными касиками, которые сначала поодиночке, потом группой – видно, собрались со всей округи – пришли в лагерь испанцев. Кортес между тем вызвал Берналя Диаса и приказал ему заняться с Мельчорехо кастильским. Серьезно заняться, чтобы можно было понять, что он там талдычит... Так вышло, что Берналь стал присутствовать и при беседах с касиками. После одной из них дон Эрнандо собрал ветеранов и спросил, как понять постоянно упоминаемое вождями в разговоре слово «кастилан»?

– Надо расспросить обо всем подробно. Завтра, как хотите, а надо выяснить – нет ли в здешних местах испанцев.

По утверждениям вождей, действительно, по ту сторону пролива в неволе находятся бородатые люди, которые называют себя «кастилан». Их даже можно выкупить, они, со своей стороны, готовы послать пирогу на север, к мысу Каточе, откуда посуху можно добраться до сильномогучего царя тех мест, который дал приют испанцам. Дон Эрнандо тут же распорядился послать к этому мысу каравеллу под командованием Диего де Ордаса, которому предписывалось дожидаться томящихся в рабстве соотечественников.

Между тем лагерь заметно обустроился, оброс подобием ограды, артиллерийскими позициями, кузней, столяркой, плотницкой, загоном для лошадей. В сопровождении небольшого отряда солдат и местных вождей дон Эрнандо приступил к обследованию острова. Особенно его интересовали языческие капища, представлявшие из себя ступенчатые пирамиды, которые ему довелось наблюдать на побережье Юкатана. Остров Косумель считался у местных индейцев, чем-то вроде святой земли, куда совершали паломничества не только обитатели Юкатана, но приплывали из более отдаленных мест. Например, оттуда – и Мельчорехо махнул в полуценную сторону и тут же испуганно добавил, что золото там вообще не водится. Там джунгли, болота, широкие реки... Потом он кое-как растолковал капитан-генералу, о чем говорили местные жрецы. Вот этот храм – Мельчорехо указал на самую высокую пирамиду – выстроен в честь великого бога Кукулькана. Это был славный вождь, который после смерти обернулся в «Пернатого змея». Чтобы оказать почести этому могучему господину, здесь и собрались люди. Ужасное суеверие, возмутился Кортес. Господь – один, поклоняться следует только животворящему кресту. Сокрушить, приказал он солдатам, мерзкое капище и немедленно! Патеры Ольмедо и Диас всполошились, начали призывать к благоразумию, пытались убедить командующего, что не следует рубить с плеча. Акт веры есть дело добровольное, результат просвещения. Что прежде надо начать с детишек. Крещение – это великое благодеяния для заблудших душ, великое таинство, и может состояться только с их полного согласия и готовности причаститься святой истине. Неразумное рвение не угодно Богу. Глупости, не согласился с ними Кортес, я сам им все объясню. Битый час он с помощью Мельчорехо пытался втолковать перепугавшимся сначала, а потом все более испытывающим интерес индейцам, что такое Пресвятая Троица, Отец и Сын и «Espiritu Santo» – «Святой дух». По его приказу из лагеря доставили изображение Богородицы с младенцем на руках. Индейцы толпами полезли к иконе. Каждый хотел потрогать ее руками, Кортес между тем все вещал. Указывая на младенца, назвал его Спасителем, который претерпел за всех нас. И за вас тоже – он обвел рукой многочисленную толпу полуголых, восхищенно разглядывающих картинку людей. Тут же шустрые ребята из новобранцев взобрались на вершину пирамиды, преодолевая брезгливость – все вокруг было испачкано запекшейся человеческой кровью – скинули вырезанную из камня змею с крылышками. Кортес, падре Ольмедо и Диас осенили крестным знаменем ахнувшую толпу. Кое-кто даже в страхе присел на землю, ожидая мгновенного и неотвратимого наказания, которому могучий Кукулькан подвергнет незваных пришельцев. Однако небо по-прежнему ласково

посматривало на своих сыновей, солнечные лучи поигрывали в листве, ветерок совсем стих, и в наступившей тишине послышался топот. Толпа раздалась, и к Кортесу подбежал вестовой.

– Ваша милость, ваша милость! – с несказанной радостью на лице выкрикнул он. – Кара-велла сеньора Морлы вернулась!..

Дон Эрнандо перекрестился. Солдаты, на мгновение замершие, попадали на колени.

«Чудо! Великое чудо!» – шепоток побежал их рядам. Патер Ольмедо, возвестив хвалу Господу, объяснил, что пока рано говорить о чуде, скорее всего это благоприятное стечение обстоятельств, но в любом случае проявление безмерной милости Всевышнего, ибо ничто в мире не свершается помимо воли Господа Бога.

Индейцы с любопытством наблюдали эту сцену. Мельчорехо кое-как объяснил, что у «кастилан» большая радость. Эта женщина с ребенком на руках сотворила чудо и вернула им большую пирогу. Выходит, ее милость сильнее, чем гнев грозного Кукулькана, спросил его один из вождей и искоса глянул на обломки оперенной змеи. Выходит так, развел руками Мельчорехо.

К вечеру на тщательно отмытой, расчищенной от мусора вершине пирамиды каменщики-индейцы возвели алтарь, перед ним установили изготовленный плотниками Алонсо Ианесом и Альваро Лопесом деревянный крест.

Чудо – не чудо, рассудил наедине с собой Кортес, укладываясь спать и подводя итоги дня, а знамение налицо. Морла тоже молодец! С ним случилось самое страшное, что может случиться с кораблем в бурю. У них сорвало руль, и утром – бывает же такое! – они обнаружили его плавающим неподалеку от корабля!

* * *

Через два дня, так и не дождавшись известий о томящихся в неволе «кастилан», на Косумель вернулся Диего де Ордас. Подобное своеволие вызвало откровенное неудовольствие Кортеса – ведь тому было ясно сказано, что следует дожидаться индейской пироги, которая была послана в те места с дарами для местных правителей и с предложением выкупить белых соплеменников. Однако делать было нечего, и утром следующего дня флотилия снялась с якорей и вышла в море. Взяли курс на север – так, чтобы обогнув мыс Каточе, выйти в места, где уже побывали Кордова и Грихальва, и двинуться дальше наполночь. Ушли недалеко – у одного из кораблей, груженных хлебом, открылась течь, так что пришлось вернуться к месту прежней стоянки и заняться ремонтом.

Утром следующего дня с выставленного на побережье поста прибежал посыльный и сообщил, что со стороны Юкатана к острову приближается лодка с семьей индейцами на борту. Кортес приказал устроить засаду, и, когда туземцы сошли на берег, Андрес де Талья, молодой парнишка, примкнувший к экспедиции в Тринидаде, отрезал им путь к отступлению. Несколько индейцев со страху бросились к пироге, в этот момент один из туземцев крикнул им что-то по-своему, затем подошел к Андресу и с заметной натугой выкрикнул: «Бог, Святая Дева, Севилья!»

Испанцы остолбенели, а незнакомец вдруг обнял юношу и заплакал навзрыд.

Всю группу привели в лагерь. Никто из испанцев, собравшихся возле шатра капитан-генерала, не мог определить, кто из гостей их соотечественник. Все они были полуголы, все держали весла на плечах. Острижены на обычный для туземцев манер – обрезаюсь только челка, остальная грива закидывалась назад либо связывалась пучком на затылке. Наконец, один из гостей вышел вперед, снял весло и, по индейскому обычаю, коснувшись ладонями сначала земли, потом лба, объявил, что его зовут Херонимо Агиляр.

...История его напоминала жуткую сказку. Родом он был из Эсихи – у него в отряде даже земляк нашелся. За море отправился с доном Кристобалем Колоном, сопровождал его в

последнем четвертом путешествии... Обосновался в Дарьене, откуда в 1511 году под командой сеньора Вальдивии пошел в плавание на Гаити, в город Санто-Доминго. Вальдивия должен был дать отчет губернатору Эспаньолы о мятеже, разразившемся в Новой Андалузии, а также доставить двадцать тысяч золотых дукатов, которые в качестве королевской пятины должны были внести в казну.

Возле Ямайки их каравелла села на мель, ночью разразился шторм. Спаслось двадцать человек, включая женщин. Тринадцать дней лодку носило по морю, у них не было ни пищи, ни воды, и до того момента, когда они достигли берегов Юкатана, около половины моряков умерло.

Здесь они попали в плен к индейцам. В первый же день Вальдивию и еще четверых его товарищей туземцы съели, оставшихся посадили в деревянную клетку.

Слава Всевышнему, той же ночью им удалось бежать. Долго скитались по джунглям – жуткое место, этот тропический лес, добавил, переведя дух Агиляр, просто наказание Господне, – пока не попали в плен к правителю города Шаман-Самы Ах Кин Куцу. Им повезло – этот Ах Кин Куц оказался смертельным врагом того жестокосердного касика, который расправился с их товарищами. Поэтому он сохранил им жизни, но сделал рабами. Работа была такая, что через год в живых их осталось только двое: он и Гонсало Гереро. Тот похитрее оказался, втерся в доверие к касику, теперь обзавелся семьей – трое детишек у него – ходит в главных советниках у царя. Веру языческую принял...

Кое-кто из слушателей тоненько вскрикнул, другие принялись удивленно переглядываться.

– А я, – с трудом подбирая слова, коверкая звуки, продолжил Херонимо, – как только услышал про вас, дыхание затаил. Скоро к царю пришли индейцы, принесли дары... Ах, Кин Куц – он, вообще-то, человек незлой – сказал, чтобы мы сами решали. Что тут было решать! Я был готов в ту же минуту мчаться на берег, нанять лодку. Если бы не Гереро... Я начал его уговаривать, грозить страшным судом за измену христианской вере. Тут в меня его баба вцепилась, принялась ругаться. Начала кричать, не будет ее согласия. Потом взялась за Гереру – наплодил, мол, ребятишек, теперь бросить собираешься. Тот и сник, спаси Всевышний его душу.

Кортес щедро наградил доставивших Агиляра индейцев – от всей души отсыпал им стеклянных бусин, подарил по зеркальцу, просил передать своему властелину, что не имеет злых намерений и идет в их земли с миром, дабы открыть им великую истину и спасти их души. Говорил он все это торжественным тоном, сдвинув брови – Агиляр перевел все в точности. Индейцы заулыбались, закивали, начали бить поклоны, с тем и отправились домой. Тут же солдаты пристали к Агиляру с расспросами – много ли золота у этого самого Куца. Ответ их разочаровал – благородных металлов у здешних индейцев мало, золото худое, и где они его берут, он не знает.

Глава 4

Хуже беды, чем отсутствие золота, нельзя было выдумать. Кортес мог рассчитывать только на ветеранов – на тех, кто побывал в этих местах и мог убедить жадных до сокровищ новиков, что за золотом надо походить, поохотиться. Знать бы где они его прячут, вздыхали солдаты. Офицеры пока не позволяли себе дерзить, но случай с Ордасом, посмевающим пренебречь приказанием дожидаться у мыса Каточе известий о пленных испанцах, наглядно показал Кортесу, каким хрупким и ненадежным было его положение. Людей Веласкеса в отряде хватало. Дон Эрнандо чувствовал, что все они внимательно следят за каждым его шагом. Спаси его могла только богатая добыча. Или выигранная битва... Вот когда его осенило прозрение – теперь было ясно, почему Кордова и Грихальва потерпели неудачу на самом пороге таинственной страны «Мехико». Они попали в заколдованный круг, когда угасающие надежды на призрачные сокровища, решили подкрепить бранью. Расчет, в общем, был верный, если бы не одно «но»... Сама по себе война мало что решает, тем более беспцельная, не приносящая выгоду. Знание Агиляра ограничивались пределами Юкатана, но на Юкатане не было золота! Оно было обнаружено по другую сторону этой выступающей в море земли. Только в устье реки Табаско Грихальве удалось получить в дар – а солдатам наменять – что-то существенное. Там испанцев и встретили приветливо, там можно собрать сведения об этом самом «Мехико»...

Двенадцатого марта флотилия подошла к устью широкой реки – Аламинос сообщил, что это и есть Табаско¹⁶.

Приблизились к берегу ранним утром. Сквозь полосы тумана едва проглядывала широкая протока. По приказу дежурного офицера Гонсало де Сандовалья кто-то из вахты попробовал воду. Закричал: «Соленая!..» – и в этот момент сдвинутый порывами ветра туман обнажил справа от устья мангровые заросли, а впереди на пологом зеленом скате, сбегаящем к реке, обнаружилась армия. Сандоваль, дежуривший на переднем возвышении флагманского корабля, сначала не поверил своим глазам. Его поразило не то что бы врагов было много – их, даже при мимолетном подсчете, было больше десятка тысяч! Удивление вызвал их боевой порядок. Они расположились на берегу правильными каре, квадраты были построены в шахматном порядке. Впереди каждого отряда командир с пышным плюмажем на голове. На холмах поодаль группа цветасто разодетых людей. Там же виднелись боевые штандарты – шесты, обвитые змеями, черные полотнища, что-то вроде головы хищника, украшенного невиданными по роскоши перьями. По всей видимой акватории сновали пироги, набитые лучниками. За тридевять земель, в диком краю встретить хорошо организованное войско! Сандоваль даже сглотнул. Тут кто-то истошно завопил на палубе: «Индейцы! Индейцы!..» – и народ по сходным трапам валом повалил из трюмов наверх.

Несколько минут спустя на переднее возвышение поднялся капитан-генерал, другие офицеры... В полной тишине они разглядывали неприятеля, только Аламинос, не скрывая изумления, все повторял:

– Что они, с ума посходили? Совсем умишком тронулись?..

Офицеры привычно – пусть даже не совсем заметно – разделились на неравные группы. В одной из них собрались сторонники Веласкеса, в меньшей, сгрудившейся возле Кортеса, его надежные друзья. Большинство офицеров не примыкали ни к одному из этих лагерей и толпились возле борта. Скоро посыпались восклицания, начали обсуждать детали построения, кто-то побился об заклад, что это не все силы туземцев. Интересно, сколько бойцов они спрятали в засаду? Альварадо между тем объяснял, что вооружение у дикарей плевое – дубинки, дротики и луки. Только стрел и следует опасаться. Против них вполне годятся хлопчатобумажные

¹⁶ Теперь эта река называется Грихальва.

кафтаны, наконечники у этих либо из зубов животных, либо каменные, либо представляют из себя обожженные деревяшки. Металлические доспехи укрывают надежно, но они довольно тяжелы, и в такую жару их таскать – одно мучение... А в общем, опасаться нечего – после первого же залпа из орудий эти разбегутся.

– Так что, – неожиданно выкрикнул он, – ваша милость, пора в бой!

– В бой? – сердито повторил Кортес и неожиданно выругался. – Позвольте спросить, как вы этот залп произведете. С кораблей? Дистанция не позволяет. С мелко сидящих бригаنتين? Какой, позвольте узнать, от этого будет толк? И какой смысл нам воевать сейчас? Ради чего?

– Но индейцы не отойдут. И вся эта встреча мало похожа на свидание друзей после долгой разлуки, – подал голос Охеда.

– Вот именно, – согласился Кортес. – Необходимо попытаться уладить дело миром, – он помолчал, потом добавил: – В любом случае нам необходимо продвинуться в устье реки. Легкие корабли войдут в главную протоку, а вы, Авила, с сотней пехотинцев высадитесь за этим мысом, прорубитесь сквозь заросли и ударите по ним с тыла. Но только в том случае, если услышите залпы.

Через два часа три больших каравеллы и флагманский нао¹⁷, чуть продвинувшись по стрежню вверх по реке, навели орудия на рой индейских пирог, которые жались к обоим берегам, а караван из шести беспалубных суденышек на веслах начал подниматься против течения, по широкой дуге приближаясь к берегу. В ту же минуты испанцев осыпал град стрел, однако Кортес запретил до особого распоряжения открывать ответный огонь. Жуткие вопли, барабанный бой, писк дудок и рев, издаваемый большими морскими раковинами, прокатился по окрестностям. Пехота индейцев придвинулась к берегу. Туземцы, большей частью в коротких плащах, накинутах на голое тело, босые, с кольцами, продетыми в нозах или в мочках ушей, начали потрясать короткими копьями, грозить огромными деревянными булавами. Когда все суденышки по команде капитан-генерала все разом повернули к правому по ходу движения берегу, королевский нотариус, вместе с Кортесом и переводчиком Агиляром стоявший на носу одной из бригаنتين, тожественно объявил, что поданные его королевского величества, императора Священной римской империи Карла V явились в их край с мирными намерениями. Они верят в истинного Спасителя Иисуса Христа. Нотариус потребовал, чтобы им позволили беспрепятственно набрать воды, в случае отказа или проявления враждебности, вся вина падет на них. Все это, прикрытый щитом, прокричал Агиляр.

Местный воин из знатных вышел к урезу воды и медленно, веско ответил, что выше по течению много годной для питья воды, там они могут запастись ею вдоволь. Сходить на землю чужеземцам запрещается.

– Вода из реки при такой жаре, – рассудил Кортес, – сразу протухнет. Надо найти чистый источник, – и он махнул рукой.

Гребцы навалились на весла, корабли направились к берегу.

Туча стрел взлетела в воздух, следом ударили укрепленные на бортах фальконеты и аркебузы. Дым рассеялся, в следующее мгновение Гонсало де Сандоваль с удивлением обнаружил, что несколько поспешил с оценкой организованности вражеской армии. Индейцы, бросившись к реке, сразу смешали ряды. Стрелы стаями полетели в испанцев. Первый залп из огнестрельного оружия не произвел на врага большого впечатления – они как будто не поняли, что же это так громоподобно громынуло в ясном небе, да и потеря малые фальконеты и залпы аркебузирова почти не нанесли. Вот арбалетчики сработали хорошо – ни одна стрела не прошла мимо цели. Тут же выстрелили запасные аркебузы, арбалетчики помогли им, и Кортес, переглянувшись с Сандовалем – то ли на всякий случай, то ли обещая подмогу друг другу – с криком:

¹⁷ **Каракка** (или «нао») – парусное судно, широко распространенное в XVI веке, впервые появилось в Португалии в начале XV века. Каракки применялись в качестве и военных, и торговых судов.

«Крест святой!» – прыгнул в воду. Сандоваль за ним... Странная мысль неожиданно ударила в голову – не о помощи просил Кортес и не прощался!.. Он хотел сказать, что вот он, случай, когда победу следует добыть собственными руками. Не надеясь ни на артиллерию, ни на лошадей, которых нельзя было пускать в битву – они застоялись во время перехода. Только враг и собственный меч! Это была смертельная игра, мелькнуло у Сандовалья. Ввиду подавляющей многочисленности врагов... И берег илистый, ступни сразу начало засасывать – вон Кортес тотчас башмак потерял – так обутый на одну ногу и выскочил на берег, при этом ловко уложил двоих индейцев, бросившихся к нему.

Какие рожи они строили! Визжали так, что уши закладывало, особенно когда их прокаливаешь насквозь. Это оказалось куда более легким делом, чем можно было подумать. Все их фехтование заключалось в подпрыгивании на месте и попытках издали достать врага дротиком или дубиной. Только наиболее смелые бросались в ближний бой, но от них уворачиваться было несложно.

Сандоваль орудовал мечом как заведенный. Уход в сторону, нырок, удар кинжалом в спину и тут же, с плеча секущий удар по шее. Он не терял из виду капитан-генерала, слава о боевом искусстве которого была широка распространена по всей Вест-Индии. Прикрывая Кортеса сзади, Сандоваль диву давался, глядя, как капитан-генерал играючи обращается с холодным оружием. В этот момент индейская стрела нашла брешь в его доспехах. Жуткий укол он ощутил сразу – ударило в правое бедро. Сандоваль вырвал стрелу – кровь поначалу хлынула обильно. В следующее мгновение две стрелы попали в Кортеса. Одна впилась в левое плечо, другая скользнула по ноге. Шутки в сторону! В душе поднялась редко испытываемая злоба к этим недоумкам, которые в ответ на просьбу поделиться водой, встретили их дубинами. А может, вид крови разъярил его...

Испанцам уже удалось выбраться на берег. Они тут же сомкнули строй, пиками отодвинули врага, и на образовавшемся лужке по приказу Кортеса аркебузиры были выстроены в две линии. Первая должна была стрелять с колен, с низких, заранее приготовленных вилок. Позади них были собраны заряжающие. Кортес еще на Кубе и на острове Косумель непрерывающимися тренировками довел скорость стрельбы до одного выстрела в две минуты. Немногочисленные мушкеты, которые им удалось закупить на Кубе, стреляли чаще, с их помощью сдерживали наседающего врага в промежутках. Общий залп производили разом из всех видов огнестрельного оружия и арбалетов. Каждый раз индейцы несли ужасающий урон. Только теперь, когда они осознали, что грохот, клубы белого дыма, окутывавшего ряды бородатых людей, и смерть связаны между собой, в их рядах обнаружилось некоторое колебание. Сандоваль сразу отметил это – визжать стали громче, а прыгать меньше.

Как только высадка десанта была закончена, испанцы сомкнутым строем двинулись вперед. Индейцы сразу отступили.

Кортес, заметив, что Сандоваль жадно присматривается к маневрам, совершаемым противником на поле сражения, одобрительно хлопнул его по плечу.

– Приглядывайся, приглядывайся, это на пользу... Что ж ты рану не прикажешь перевязать? – он тут же окликнул пару солдат.

Сандоваль опустил на землю, невзирая на острую боль пощупал травку – трава, как трава, ничего особенного... Между тем Кортес, стоявший возле него, нервно спросил:

– Где же Авила? Застрял он, что ли, в этих зарослях?..

И словно в ответ на его слова где-то справа послышалось громовое: «San-Yago y San-Pedro!» – и из зарослей развернутая в боевой порядок вышла сотня Авилы. На несколько мгновений ряды индейцев смешались, затем порядок восстановился, и они неспешно отступили.

* * *

Все события того дня Гонсало де Сандоваль воспринимал смутно, хотя, сцепив зубы, и принял участие в торжественной церемонии объявления этой земли владением его католического величества короля дона Карлоса. В большом селении, – здесь, как и на Косумели, было много каменных домов – на главной площади росло старое, в несколько обхватов лиственное дерево. Капитан-генерал дон Эрнандо Кортес три раза ударил мечом по стволу и объявил этот край собственностью короны, о чем королевским нотариусом был составлен акт. Свидетелями являлись все присутствующие...

В сражении, состоявшемся на следующий день, Сандоваль участия не принимал – он совсем ослаб, и Кортес посоветовал ему полежать. Гонсало выругался и ответил, что нахлебником никогда не был и не будет, так что все равно встанет в строй, пусть даже ему не посчастливилось получить под свою команду роту солдат. Кортес, до того времени почти не знакомый с Гонсало – а ведь они были земляками – усмехнулся и предложил ему присмотреть за выгулом спущенных на берег лошадей. Те совсем застоялись, и в бою их использовать было нельзя. Сандоваль согласился. Потом, уже по слухам, он узнал, что в тот день испанцам пришлось туго. Отряд Альварадо даже в засаду попал и, если бы не хладнокровие артиллеристов, которыми командовал старший канонир Меса, победа бы далась куда более дорогой ценой. Все равно двое убитых – это было печальное известие. А сколько положили туземцев, поинтересовался офицер.

– Кто их считал, – ответил Андрес де Талья. – Главное, что взяли троих пленных. Их сейчас дон Эрнандо допрашивает. Еще говорят, что сбежал переводчик Мельчорехо. Дон Эрнандо совершенно вышел из себя...

Сандоваль тут же заковылял к палатке капитан-генерала.

Любопытствующих собралось много – особенно тех, кто помнил первую доброжелательную встречу, которую устроили индейцы год назад.

Прежде всего, Кортес сразу выделил среди пленных человека, который, как оказалось, принадлежал к знатному роду. Как дон Эрнандо смог определить его происхождение, Сандоваль так и не понял.

Причина такого заметного охлаждения к прибывшим из моря людям, по словам пленных, заключалась в том, что все соседние племена, узнав об обмене подарками с людьми Грихальвы, подняли их на смех. В трусости прямо не обвиняли, но позволяли себе посмеиваться над «простаками из Сеутлы» – так называлось это место в устье реки Табаско. Упорство свое они объясняли тем, что бежавший Мельчорехо убеждал старейшин не прекращать наступление ни на минуту. Белых людей, головы которых обросли волосами и сверху, и снизу, мало. Они скоро утомятся, и тогда их можно будет взять в плен и отправить... сами знаете, куда.

Кортес вскинул брови.

– Куда? – переспросил он.

– Он так выразился, – пожал плечами Агиляр. – Имел в виду направление, а может, намекал, что всех попавших в плен ждет жертвенный нож.

– Хорошенькое дельце! – возмутился Альварадо. Все остальные офицеры тоже разом насупились.

– Собака лает, ветер носит, – угрюмо выговорил Кортес. – Пусть их!.. Другое тревожит – это не переводы, – он обернулся к Агиляру. – Какое-то детское недомыслие со стороны отдельных солдат и офицеров. Кто отвечал за Мельчорехо? Наказать плетями! Я не желаю из-за подобных промахов лишаться жизни. Вот подлец! – немного удивленно добавил он. – Точно подметил – в бою нам ничего не страшно. Кроме усталости... Хорошо, теперь переводы.

Он принялся объяснять пленным, что люди из-за моря с головами, обросшими и сверху и снизу, не имеют злых намерений. Они верят в Бога, единого и всемогущего, и желают распространить свет истинной веры по всем городам и весям. Индейцы сами виноваты в том, что не позволили им набрать воды. Вот почему кровопролитие, вот почему он, верховный касик войска «кастилан», вынужден взять под свою опеку эти земли и объявить их владениями великого вождя, живущего на западе...

– Кстати, – неожиданно прервал он свою речь, – поинтересуйся у них. Возможно, они уже подчиняются какому-нибудь владыке? Тогда мы могли бы обеспечить им надежную защиту.

После недолгого лопотания Агиляр ответил:

– Они заявляют, что их племя свободно, хотя, конечно, защита никогда не помешает... Только, – нахмурился Агиляр, – сказали так, что их можно понять двояко. Точный смысл заключается в том, что дани они в настоящий момент не платят. Я попытался уточнить – не платят кому-то или вообще ни вблизи, ни вдали нет никого из владык, кто смог бы потребовать с них дань. Они на эту тему отказываются говорить!.. – возмущенно добавил Агиляр.

– Тогда надо попытаться развязать им языки с помощью огня, – невозмутимо посоветовал Кристоаль де Охеда. – В первый раз, что ли...

– Ни в коем случае! – резко возразил Кортес. Потом, улыбнувшись пленным, ласково обратился к Охеде. – Сеньор, я предупреждаю вас в последний раз – всякая попытка вставлять мне в палки в колеса плохо для вас кончится. Заявляю официально – это ко всем относится, господа. С этого момента всякое неповиновение, всякое лукавство при исполнении приказа, всякие разговоры, подрывающие авторитет главнокомандующего будут пресекаться решительно и жестоко. Вплоть до вынесения смертных приговоров!

Все это он высказал в привычной светской манере, красиво жестикулируя руками. Наконец обратился к Агиляру.

– На чем я остановился? Ага, на защите... С этой минуты они свободны. Я надеюсь, что они вернуться к своим сородичам, не держа злобы на сердце. Мы пришли сюда установить мир. И мы его установим – последнее не переводит, – предупредил он толмача.

Когда пленников увели, он поднялся – все тут же встали – и объявил:

– Господа, завтра в бой. Завтра мы должны им показать, что значит «кастилан», осененный крестом. Убивать как можно больше. Людские потери у противника должны быть устрашающими, я не имею намерения засиживаться в этой дыре и губить своих солдат в бессмысленной бойне. Сеньор Ордас, вам поручается командование пехотой. Постройте боевой порядок следующим образом – линия в два ряда, впереди новобранцы. Старший канонир Меса. Обеспечить наивозможно быстрый темп стрельбы. Палить только кучно, по большим человеческим массам. Кстати, как я слышал у вас, сеньор Альварадо, и у вас, сеньор Авила, одна лошадь на двоих? А вы, сеньор Монтехо, совсем безлошадный?.. Авила возьмет лошадь музыканта Ортиса – тот в седле как тюфяк держится. Монтехо позаимствует у рудокопа Гарсия. Завтра я лично поведу кавалерию в бой!

* * *

День битвы запомнился Берналю Диасу долгим изматывающим маршем по засеянным кукурузой, и залитым жидким илом полям. Грязь пудами прилипала к ногам, а каково было индейцам-носильщикам, которые на собственных плечах тащили орудия. Кто стволы, кто сборные деревянные станины... Тоже люди, вздохнул про себя Берналь, этих в случае чего первыми в жертву принесут.

Когда же войско выбралось на твердую почву, вид открывшейся вражеской армии произвел на всех гнетущее впечатление. Врагов, если прикинуть численность отдельных отрядов и сложить вместе, было, по меньшей мере, до полусотни тысяч. На каждого испанца по две-три

сотни. Пусть даже у страха глаза велики, однако куда ни бросишь взгляд, всюду стояли плотные ряды раскрашенных воинов. Андрес истерически похохатывал: где наша не пропадала, проломим им черепа, этим язычникам.

– Ага, проломишь, – отозвался кто-то. – Устанешь мечом махать.

– Подтянись! – приказал вконец измотанный переходом Ордас. Весь неблизкий путь он несколько раз добирался до хвоста колонны, где подгонял отстающих, потом вновь возвращался в голову. – Разговорчики отставить!

Один из ветеранов буркнул, что подобных строгостей он не замечал и в Италии при Великом капитане, а там войны были не чета этим. Его, однако, никто не поддержал – сил не было.

На сухом пригорке немного отдохнули, обсушились. Индейские вожди допустили промашку – это было ясно каждому опытному вояке. Нельзя было выпускать чужаков из грязи. Встать стеной и крушить дубинами. Что с них взять – дети природы. Только гадкие дети, очень капризные и жадные... Не желающие поделиться золотом.

Индейцы наконец побежали в атаку. Как всегда, смешали строй. Пушки еще не были готовы к стрельбе, однако и аркебузиры, и арбалетчики встретили врага дружным залпом. Туземцы в ответ еще энергичней принялись обстреливать врага. Стрелы пластами стелились в воздухе, так что сразу после начала боя около семидесяти испанцев получили ранения.

Первый натиск сдержали. Тут Меса доложил Ордасу, что орудия готовы.

– Ну, так приступай, – ответил офицер.

Вот когда индейцы почувствовали всю силу *terustli*, или «громовых зверей», как они называли артиллерийские орудия. Опять же непонятно, прикинул Берналь, неужто они их за живые существа принимают? Кто их знает, недоумков, внезапно озлобился он. Сейчас, после первого залпа, надо в атаку пойти – эти ублюдки удара сомкнутым строем не выдерживают, но Ордас почему-то медлит. Видно, ждет, когда конница вступит в дело. Этак можно беды дожидаться...

Между тем орудийная стрельба вошла в свой привычный убийственный ритм. Залп, зарядание, дикие вопли в стане врага. Каждый раз, когда дым рассеивался, Берналь Диас с удивлением наблюдал, как индейцы начинали бросать в воздух землю и солому. Спустя несколько минут еще залп – и вновь в толпе нападающих открывались широкие улицы, заваленные скошенными трупами. Аркебузиры тем временем нарезали переулочки.

Атаки волнами накатывались на боевые порядки испанцев. Туземцы бились храбро, их вожди успели сообразить, что наступать надо в перерывах между извержениями огня и дыма и осыпать, осыпать обороняющихся стрелами. Стрелы теперь летели с убийственной плотностью. Ветераны начали громко выкрикивать, что пора ударить по язычникам, стоять на месте губительно, однако Ордас, впервые участвовавший в подобном деле, никак не решался отдать приказ наступать.

Исход сражения решила кавалерия. При виде этих страшных, четвероногих и двухголовых, закованных в сталь чудовищ ряды противника заколебались. Над ними словно ураганный ветер пролетел – раскидал до того момента более-менее стройные ряды, повалил на землю индейские штандарты и стяги. Началась резня. Тут и Ордас осмелел, повел пехоту в атаку...

К вечеру все было кончено. Поле было усеяно трупами – не менее тысячи погибших, пленных пять человек. Из них два касика...

Сразу после приведения войска в порядок Кортес занялся пленными. Прежде всего, вызвал врача и приказал ему перевязать индейцев. Те, поначалу с ужасом смотревшие на великого вождя людей «из-за моря», постепенно успокоились. Кортес не стал с ними долго разговаривать – тут же после перевязки приказал отправить их к противнику. Если возможно, передать с рук на руки. Он так и сказал Сандовалю:

– Напрасно не рискуй, но если *эти* встретят вас мирно, организуй достойную передачу пленных. Можешь даже честь отдать... Но только не рискуй.

– Считаете, пойдут на переговоры?

– У них нет выбора, как только перейти под нашу защиту. Иначе, насколько я понимаю людей, соседние племена вырежут их под корень.

В самом деле, на следующее утро в лагерь испанцев явились полтора десятка рабов, принесли печеную рыбу, кур и лепешки. Старшего с ними не было, но через Агиляра они передали просьбу совета вождей разрешить захоронить мертвых. Дольше оставлять их в таком состоянии было нельзя, сладковатый запах уже ощутимо начал стелиться по земле, достиг испанского лагеря, разбитого на невысоком холме. Кортес дал согласие.

Так всегда бывает – замирение начинается с обмена взглядами. Похоронные команды туземцев занимались своим делом, солдаты, собравшиеся на краю поля, посматривали за ними. Наконец первый смельчак из туземцев, завидев покачивающиеся в руке диковинного бородастого человека стеклянные бусы, решился подойти поближе. Как всегда, первый жест – это предъявление ладоней, свидетельство мирных намерений и отсутствия оружия. Затем попытка пощупать удивительные поблескивающие прозрачные камешки. Тут непонятно откуда в руках заморского чужака появляется волшебная вещица, способная отобразить все, что было вокруг. Даже человеческое лицо – стоит в него заглянуть, и можно увидеть собственное отражение. Да такое ясное, словно ты сам с помощью колдовской силы оказываешься заточенным в этой плоской круглой пластинке и со страхом и изумлением выглядываешь оттуда. Ох, как хочется потрогать!.. Тут и соплеменники, привлеченные ярким солнечным зайчиком, подходят ближе... Так начинается торг...

К вечеру в лагере испанцев появился гонец и передал предложение устроить перемирие. На следующий день назначили встречу вождей. Кортес принялся деятельно готовиться к предстоящим переговорам. Первым делом доставленные с Кубы индейцы-носильщики – число их сокращалось с ужасающей быстротой – перетащили поближе к шатру капитан-генерала большую кулеверину.

– Я так понял, они считают орудия живыми существами, – усмехнувшись, объяснил дон Эрнандо Сандовалью. – Вот мы их и познакомим поближе.

– Можно и лошадь использовать, – посоветовал Гонсало. – Индейцы коня и всадника на спине тоже полагают единым созданием. Этаким невиданным чудовищем...

Они рассмеялись.

– А жеребец у музыканта Ортиса страсть какой горячий, – с улыбкой добавил Сандоваль.

– А кобыла у Седеньо – настоящая лошадиная красавица, – в тон ему ответил дон Эрнандо.

Они залились еще пуше...

Глава 5

Шутка удалась на славу.

...Индийские вожди долго торговались по поводу каждой курицы, которых они были обязаны доставить в лагерь. Спорили из-за каждой лепешки... Дон Эрнандо совершенно вышел из себя и, пригласив гостей выйти из шатра, указал на заряженное оружие, затем, ткнув пальцем в подводимого издали коня музыканта Ортиса, решительно заявил, что, если они не найдут общего языка, то он не сможет удержать этих страшных, находящихся у него в услужение чудовищ. Ваши боги жаждут крови, сказал Кортес, эти существа тоже питаются ею. Они дики и необузданны, и если мы не договоримся, могут впасть в безумство. Тогда, предупредил Кортес, держитесь...

В этот момент пушка выстрелила, а жеребец, которого вели мимо кустов, где была спрятана кобыла Седеньо, впал в любовный раж, встал на дыбы и заржал так пронзительно, что касики в страхе приседали.

Дальше все пошло как по маслу.

* * *

...Дон Эрнандо лежал под балдахином, изучал резьбу на деревянных столбах из красного дерева – сон не брал его. Да и как заснешь, если память вновь оказалась во власти тех самых радостных, неповторимых, наполненных бесшабашной, без тени сомнений, удалью, дней, которые выпали ему в самом начале похода. Он даже явственно ощутил запах джунглей, к которому ощутимо примешивался трупный дух. Помнил аромат первой индейской красавицы, которую выбрал среди двадцати невольниц – местные вожди привели их в лагерь в дар «большому вождю, пришедшему из-за моря». Как оказалось, он ошибся и пренебрег той, с которой потом надолго связал свою жизнь, которой, если признаться, был во многом обязан своими победами.

Он сразу приметил ее в толпе перепуганных женщин, кучкой сидевших возле его шатра. Сразу, в общем-то, не понял, зачем индейские касики для проведения таких важных переговоров захватили с собой столько женщин. Ах, это подарок... Дон Эрнандо на мгновение прикинул – может, лучше отказаться от подобных щедрот? Что это за войско, в котором офицеры таскают за собой баб, потом опомнился – так было и так будет. Стоит ему только заикнуться о неприятии такого щедрого дара, офицеры никогда не простят ему подобный поступок. По крайней мере, Альварадо возненавидит его до конца жизни. Индейцы, возможно, тоже.

Он сразу поймал на себе ее взгляд – она глядела на него дерзко. Очень красивая, верхняя губка чуть вздернута, глаза черные, с едва заметной раскосинкой, отчего она казалась особенно желанной – такая томная, жаждущая ласк красавица. Но главное, чем поразила его эта черноволосая высокая женщина – при приближении испанцев она единственная встала – так это удивительной, девичьей свежестью. Где она копилась, эта чистота и манящая страстность, он не мог сказать. То ли в припухлых, как у ребенка, губках, то ли приманивала тонкостью стана, то ли прерывистое дыхание выдавало ее. В первое мгновение дон Эрнандо обомлел, однако виду не показал, осадил себя. Присмотревшись, убедился, что эта женщина видала виды. Тем более из рабынь... А вот Пуэртокаррера, с которым он осматривал пленниц, не удержался и ахнул. Затрепетал даже... Вымолвил: «*Hermosa como diosa!*»¹⁸ Вот и хорошо, скорбно решил капитан-генерал, пусть полакомится... Мне в ту пору надобно было держать себя в узде.

Никогда – ни раньше, ни позже – он не ощущал такой полноты жизни, какую испытывал в ту пору. Все тогда было в охотку – и радость, и горе, и страх, и надежды. И эту женщину

¹⁸ Прекрасна, как богиня! (*исп.*)

отдал легко, разве что тайно немного взгрустнул. Вскоре груда дел совсем заслонили образ этой Малинче, как ее называли местные. Ох, грехи мои тяжкие, уж сколько лет прошло, а он до сих так и не научился выговаривать эти странные ацтекские имена!.. Крестили ее Мариной. В дальнейшем им доводилось встречаться только во время переговоров, когда он пользовался ее услугами в качестве переводчицы... До того самого дня, когда, индейская женщина, ловко обманув часовых, пробралась в его шатер и призналась, что хранит великую тайну, но откроет ее только наедине и ночью. И чтобы Алонсо ни о чем не знал.

Кто бы мог предположить, что ее тайна оказалась ответом на все те тайны, что обступали его, дона Эрнандо, в чужом краю!..

Кто смеет утверждать, что у прославившихся – исторических! – людей не может быть друзей, что они всегда готовы пожертвовать любовью, дружбой, любой другой человеческой привязанностью ради достижения великой цели. Как утверждает мой духовник и летописец Гомара, это им даже ставится в заслугу, однако никто не желает понять, что такое, если и случается, то никак не по вине знаменитого человека. Исключительно в силу обстоятельств, когда приходится жертвовать не только друзьями, но собственной жизнью или – что еще страшнее – душевным спокойствием. А то и спасением души!.. Слава богу, я не могу упрекнуть себя в подобной измене, и даже если мне приходилось поступать вопреки велениям сердца, то в подобных случаях я всегда соизмерял средство и цель. Более того, испрашивал разрешения у Господа... Только когда в душе рождалась совершенная уверенность, что сумею исхлопотать у небесной силы отпущение грехов, я решался преступить человеческие законы.

От любви тоже не отрекаюсь... Но у нас с Мариной был скорее союз, чем бурная, неутолимая страсть. Мог ли я в ту пору позволить себе что-либо другое? Эта женщина обустроила мой быт, слуги у нее ходили по струнке, но если признаться честно, я до сих пор вспоминаю нашу связь с каким-то послеощущением ужаса, тайного, неизъяснимого. Нет, она была верна мне, я был ее единственной защитой в том бурном водовороте, который так стремительно закружил нас, но всякий раз, выслушивая в постели новости из ее уст, я тщательно взвешивал каждое слово, процеживал его через долгие размышления, прикидывал, что же именно хотела сказать эта женщина, на что намекала. Это было утомительное занятие, но иначе поступить я просто не мог. Если откровенно, тогда слушайте – конечно, Гомаре я об этом и не заикнусь! – в области политической игры Диего Веласкес в сравнении со мной был не более чем котенок. Вот примерно в такой же пропорции по части махинаций и интриг соотносились я и Малинче. Здесь в Испании об этом мало кому известно – разве что ветеранам, да все они сидят по своим имениям в колониях, как, например, Берналь Диас. Возможно, Монтехо догадывался об этом. Этот так называемый покоритель Юкатана оказался не так прост, как я полагал, и сумел выторговать у короля патент на завоевание этих паршивых джунглей. Просто из-под носа эти земли увел!

О чем это я? Ах да, о Марине! О красавице с глазами лани, храбростью и жестокостью ягуара и умом древнегреческого мудреца. Ее сердце буквально извергало коварство. Долго я не мог понять, почему туземцы обращались ко мне исключительно «Малинцин». Оказывается, это переводится, как «господин или хозяин Малинче». Ничего с ними нельзя было поделаться! Мое родовое имя для них ничего не значило! Вот «владелец рабыни Малинче» – это другое дело. Говорят, у французов есть поговорка – ищите женщину. Это несерьезно – по-моему, по большей части женщины управляют миром! Ну, хватит об этом!.. Я ее надежно пристроил, она получила патент на дворянское звание, сын наш в чести, он – *commendator* ордена Святого Иакова¹⁹ и в настоящее время является губернатором города Веракрус. Дочери от других туземных жен тоже хорошо пристроены, все вышли замуж за приличных людей...

¹⁹ В то время в Испании существовало четыре военно-религиозных ордена: Калатравы, Святого Иакова (Сантьяго), Алькантары и Монтеса.

Вот каверза судьбы – брак моей старшей законной дочери с доном Альво Пересом Осорио, сыном маркиза д'Асторга, так и не состоялся, хотя я давал в приданое сто тысяч дукатов и множество других драгоценностей. Мне отказали! Обидно!.. Постыдно!.. Королевский двор – это сборище пауков, мерзких интриганов... Эрнандо, не выражайся красиво, постарайся заснуть. Пусть мне приснится океан, пологий берег, поросший мангром, холмистая равнина, устремляющаяся на запад. Паруса кораблей с огромными крестами... Наконец тот день, когда мы впервые увидели снеговую вершину Орисабы, открывшуюся нам с утра. Это было замечательное зрелище! Пуэртокаррера, купающийся в страсти, пропел тогда старинную рыцарскую балладу о подвигах Роланда. Там были строки: «Вот она, богатая страна...» Помнится, я ответил в том смысле, что если Всевышний наделит нас счастьем, которым одарил Роланда, то с вашей – обратился я к Алонсо – и других рыцарей помощью не миновать нам словить птицу-удачу. Я объяснил Алонсо, что все наше предприятие держится на случае, поэтому мы обязаны быть предусмотрительны во всем. Чтобы стать непревзойденными умельцами в ремесле *авантюреро*, надо всегда оказываться прозорливее соперника. Знать его досконально... Как раз этого мне тогда не хватало.

В ту пору я даже предположить не мог, какая чудовищная сила вот уже два столетия копилась на этих берегах. В чьи руки она попала... Судя по жесточайшему упорству, какое проявили в устье Табаско местные вожди, впереди нас ожидали куда более серьезные испытания. Меня не обманули их уклончивые ссылки на неведомых «соседей», которые осыпали их градом насмешек. Скорее всего угрозы тоже были... Что же это за «сосед», который заставил их вывести в поле все, что у них было под рукой, биться не на жизнь, а на смерть? Почему такой страх перед горсткой неведомых пришельцев, всего-навсего попросивших разрешения наполнить бочки питьевой водой? Встреча Грихальвы, дары, поднесенные ему, доказывали, что это были мирные, готовые торговать индейцы. Откуда же тогда такая ярость, которую они выказали при появлении наших кораблей?

В ясный день мы брели вслепую. Вершина Орисабы, гигантским шлемом возвышавшаяся над неровной стеной гор, неотрывно напоминала, что ждет нас на западе. Все, что я мог – это подыскать подходящую бухту, в которой можно будет надежно схоронить корабли и в случае удачи в первых сражениях попытаться заложить надежный форпост. Опираясь на него, мы смогли бы начать постепенное продвижение в глубь этой необъятной земли, так мало похожей на те Индии, о которых мечтал Кристоаль Колон.

Этот план был всем хорош, кроме одного незначительного обстоятельства – он был невыполним. Стоило мне хотя бы на короткое время выпустить инициативу из рук, Диего Веласкес тут же сместил бы меня. У него были длинные руки, в моем войске находилось немало его тайных сторонников. Кроме того, ничто так не способствует разложению солдат, как вынужденное бездействие и отсутствие реальной добычи, которую можно было бы пощупать руками. Кто бы мог подумать, что черноволосая красивая женщина, переводившая вместе с Агиляром речи, которыми мы обменялись с местными касиками, – знает ответы на большинство из этих вопросов. Она так и заявила в ту ночь, когда проскользнула ко мне в палатку. Пуэртокаррера в те дни в составе экспедиции Альварадо был послан на поиски съестного. «Прими меня к себе, – сказала она, – и я научу тебя, как победить Мотекухсому. Ни больше, ни меньше!..» В ту пору, в середине лета я находился в безвыходном положении – как говорится, на краю гибели, поэтому даже не улыбнулся, не выказал неудовольствия подобной неучтивостью, только спросил – сообщает ли она, что говорит? Она промолчала. Она ждала ответа. Что-то смутное, непрошеное бродило у меня в голове в тот момент – как она за такой короткий срок сумела научиться объясняться на кастильском? Смел, если отважилась явиться ко мне в ночное время... Часовые вполне могли пристрелить ее. Кстати, их следует обязательно наказывать за халатность!.. Вот какие мысли в первые минуты встречи донимали меня. И еще – я уже тогда страстно возжелал ее. Как раз с этим желанием мне было справиться довольно легко, ибо в ту пору я наложил

на себя трудный подвиг умеренности. Потом прикинул – она рискует жизнью, это придает ее словам правдивость. Я не стал касаться вопроса, как поступит с ней Алонсо, когда узнает о таком вызывающем визите. Я даже не упомянул о том, что в этом случае я потеряю друга и приобрету могущественного врага, ведь синьор Пуэртокаррера, этот восторженный, взрослеющий на глазах, чернявый до неприличия юнец являлся племянником графа Медельина, весьма влиятельного при испанском дворе. В его владениях мой отец Мартин де Кортес Монрой имел поместье. Я словом не обмолвился о назревавшем среди моих людей бунте, удайся который, и ее жертва сразу оказалась бы напрасной, потому что среди окружавших меня господ офицеров я не видел никого, кто был способен заменить меня на посту капитан-генерала. Разве что Монтехо... Опять этот Монтехо!

Я спросил, что она имеет сообщить мне.

Она ответила, что ее слова исцеляющим снадобьем лягут на те тревоги, которые жгли меня изнутри. Она знает, кто такие ацтеки. Она знает, кто такой Мотекухсома. Она знает, почему он не присылает армию, чтобы сбросить вас в море.

– Я знаю, – добавила она, – в какой стороне лежит Теночтитлан, и как туда добраться. Я знаю, где спрятано сердце Теночтитлана и сколько нужно стрел, чтобы поразить дикого кота, гремучую змею и могучего орла, которые охраняют его.

Тут она сделала паузу и, прижав левую руку к груди – маленькой, но острой и вызывающей прилив страсти, с сосками, глядящими в разные стороны, – добавила что-то по-своему, на языке науа... Клянусь Господом, словно обет давала!.. Потом перевела:

– Я знаю, – заявила эта женщина, – чего больше всего на свете боится Мотекухсома.

– Чего же? – спросил я.

– Прими меня к себе, – повторила она свою просьбу.

Нежный аромат цветущей розы исходил от нее, волосы были заплетены в косы и заколоты на затылке, сбоку был воткнут напоминающий об утренней заре цветок...

– Я не могу ссориться с Алонсо, – признался я.

– Не ссорься, – ответила Малинче, – отошли его за море с дарами, который прислал тебе Мотекухсома.

– Хороший совет, – кивнул я, – об этом стоит подумать».

– Подумай и возьми меня к себе, – сказала она и выскользнула из палатки.

Тут меня словно кольнуло, я поспешил следом, чтобы, не дай бог, часовой не пальнул в нее, в эту птицу, совершающую свой полет по ночам. И наказывать их нельзя – пусть эта встреча останется тайной. Успел вовремя, часовой уже совсем было всполошился, слышав шорох. Я отвлек его внимание...

Потом полночи не спал, отправился проверять посты. Возле одной из палаток задержался, невольно прислушался к разговору этого юнца Андреса и обстоятельного Берналя. Рассуждали они о богатстве...

Сначала, как водится, перемыли косточки офицерам, нашему королевскому нотариусу, Диего де Годю, который, оказывается, «жрать горазд». Обсудили местоположение лагеря – местность нездоровая, вокруг болота, дышать тяжело. В полдень по прибрежным дюнам ходить невозможно – ноги испечешь. Затем перешли к обсуждению даров, которые доставили в лагерь посланцы местного «императора», как называли Мотекухсому солдаты... Если таковы дары, сколько же золота у него в подвалах хранится? Сошлись на том, что очень много – не пересчитать, ни взвесить, на что молоденький Андрес мечтательно заметил, что им бы только добраться до него, а уж они, испанцы, пересчитают.

– Получу свою долю, куплю каравеллу, займусь извозом. Как Седенью, у которого кобыла на загляденье. Выгодное это дельце – товары по островам развозить.

– Да, – согласился Берналь Диас, – лошадь у него хорошая. Только таскаться по морям – рискованное дело. Лучше получить землю, прикупить индейцев... Седенью – везунчик, к его

рукам всякая монета липнет. Считай, он самый богатый среди нас – у него корабль, лошадь, даже негр есть. Кобыла – целое состояние, да и негры на Кубе в большой цене. *Эти* не то, что индейцы – работники что надо. На них воду можно возить...

– Да, – воодушевленно откликнулся Андрес. – Неграми торговать – выгодное дельце...

Помнится, в ту ночь я решил, что на Берналя Диаса можно положиться, однако эти события – визит Марины, разговор часовых – случились позже, а в тот день, 21 апреля, в Великий Четверг, ввиду пологого песчаного берега, открывшегося нам напротив острова Сан-Хуан-Улоа, в тот самый момент, когда я приказал бросать якоря, самым захватывающим событием были две пироги, направившиеся к нам со стороны берега.

Уже по поведению посланцев – их благородной осанке, невозмутимому выражению лиц, по особой, присущей только вельможам лукавой вежливости – я догадался, они те, кого мы ищем. Они были *цивилизованы* — этим все сказано. Самый важный и пышно разодетый из них первым делом, без всякой опаски, поинтересовался, кто из нас *tlacatecutli*, то есть «верховный вождь»? Я шагнул вперед, легким кивком приветствовал их – в этот момент и нашелся ответ на смутное беспокойство, на некоторую неясность, которое вызвало у меня слово «цивилизованы». Что бы оно значило? Как объяснить то неясное ощущение чего-то знакомого, много раз виданного, которое я ощутил при встрече с посланцами Мотекухсомы? А вот как – они являлись *чиновниками*! От них буквально разило запахом канцелярских крыс. Значит, у местного «тлакатекутли» есть свой круг исполнителей, должностных лиц, чернильных душ, которые верой и правдой служат ему за вознаграждение, а не только по традиции, по праву рождения или во имя долга.

Вели они себя как ровня. Я сразу решил – пусть так и будет! Посланцы заявили, что прибыли от повелителя и владельца благодатной страны Анауак и множества других земель и краев, великого и могучего Мотекухсомы. (Именно так звали его – я выучил это имя по буквам, так как недостойно исказить имя императора. Это потом наши ребята, а также королевские писцы переделали его имя сначала в Мотекусуму, потом в Монтесуму.) Беседа, началась с вопроса, кто мы, откуда прибыли к границам могущественной державы «Астека», потом, не дожидаясь ответа, спросили, есть ли у нас в чем-либо нужда? Они готовы в меру своих сил восполнить то, в чем мы испытываем недостаток.

И правда, на следующий день на берег пришли множество индейцев, которые доставили съестные припасы. То-то мы попиروвали после долгого плавания!.. Особенно вкусны были сливы – я таких дотоле никогда не едал. К тому времени мы уже успели выгрузить артиллерию и установить орудия на позиции. Возвели также алтарь, где отцы Хуан Диас и Ольмедо отслужили мессу. Понастроили бараков из ветвей и пальмовых листьев, в которых можно было укрыться от жары. Место с первого взгляда мне не понравилось – климат был нездоровый, но прельщала своими удобствами бухта и открытость пространств. Все проходы между тинистыми болотами можно было перекрыть артиллерийским огнем.

На Пасху... Верно ли я называю дату? Не ошибся ли?.. Пусть Гомара сверится с записями. Кажется, в последнее воскресенье апреля, в святой день, явился к нам в лагерь местный, как объяснила нам Марина, губернатор ацтеков Теутлиле. *Этого* принесли в паланкине. Был он в коротком плаще, застегнутом на одном плече – в застежке посверкивал крупный изумруд. Грудь обнажена, на ней висело золотое ожерелье. На голове убор из роскошных птичьих перьев, необыкновенно мягких и пышных...

После обмена приветствиями я объяснил, что мы – христиане, подданные величайшего монарха в мире. По его велению мы явились в этот край, о котором наш государь так много слышал. Посему он желает подружиться с Мотекухсомой. Вот зачем мы здесь. Я, дон Эрнандо Кортес, имею сообщить великому повелителю, тлакатекутли Мотекухсому многое, что ему понравится. Но для этого ему мне надо знать, где проживает ваш господин, чтобы лично приветствовать его и передать послание от своего государя.

Ответил Теутлиле довольно высокомерно.

– Ты только что прибыл в нашу страну и правильнее было бы не требовать встречи с нашим повелителем, а рассказать о себе и принять подарки. Затем ты можешь передать мне свои пожелания. Лицезреть наше солнце, могучего вождя Мотекухсому – великая честь, и за несколько дней ее трудно заслужить, – он сделал паузу, потом добавил: Называй нашего вождя «тлатоани», что значит «говорящий от имени племени». Такова его воля!

Увидев разложенные перед нами подарки, глаза у Альварадо разгорелись. У других офицеров тоже, мерзавец Охеда даже сглотнул слюну. Золотые вещи были массивны, отлиты из металла высокой пробы. Кроме того, невольники положили к нашим ногам двадцать штук белоснежной бумази, плащи из очаровательных птичьих перьев. Теутлиле еще указал, что распорядился снабдить нас съестными припасами.

Мы же, со своей стороны, передали в дар местному владыке прекрасный стеклянный, граненый, украшенный самоцветами кубок флорентийской работы, парадное кресло (правда, с немного ободранными ножками), несколько кусков маркезита²⁰, завернутых в надушенные платки, нитку стеклянных бриллиантов, кармазинную шапку с золотой медалью, на которой был изображен святой Георгий, поражающий змея.

По поводу кресла я, кажется, заметил, что владетельный сеньор Мотекухсома пусть воссядет на него во время нашей встречи. Желательно, чтобы она состоялась пораньше... Да, именно так я и выразился – Гомара, если надо будет, добавит что-нибудь историческое...

В этот момент мое внимание привлек Сандоваль, указавший на многочисленных рисовальщиков, которые буквально заволокли наш стан. Они срисовывали все, что попадалось им на глаза – меня, моих офицеров, солдат, лошадей, донью Марину и Агиляра, наших собак, орудия, ядра, оружие, корабли в бухте... И так ловко у них это получалось! Сходство было удивительным...

Нам нечего было скрывать, мы пришли с миром... Хорошая фраза, надо запомнить... Мы пришли с миром, в поисках золота. Все наши солдаты давным-давно были пересчитаны. Корабли тоже... Однако просто так отпускать послов я не хотел и по приказу орудия на позициях дали залп, конница налетела на ацтеков. Всадники замахали мечами – те едва на песок попадали, а Теутлиле побледнел так, как может побледнеть смуглый, обожженный на солнце эстремадурский пастух при виде чуда. Теутлиле стал бледнее рыжих немцев... Это было впечатляющее представление. Потом перед ним промаршировало две роты. Посол, придя в себя, равнодушно наблюдал за строевыми эволюциями, пока его внимание не привлек один из наших солдат, шагающий в позолоченной испанской каске. По его просьбе я подозвал солдата, велел снять каску и дать индейцу полюбоваться на эту невидаль. Марина объяснила, что подобный шлем очень похож на боевой убор их бога войны Huitzilopuchtlī. Агиляр с помощью Марины и Берналя Диаса записали имя этого идола, потом только я смог выговорить его. Он назывался Уицилопочтли.

– В таком случае, – сказал я, – если этот боевой шлем пришелся вам по душе, я передаю его вам в надежде, что он вернется к нам полный золотого песка.

К моему удивлению, Теутлиле появился с ответом уже через неделю. Как объяснила Марина, в этом не было ничего странного – особые гонцы доставляют свежую морскую рыбу к столу Мотекухсомы за полтора дня.

Дары, присланные тлатоани Анауака, поражали воображение. Онемели все – от капитан-генерала до старика-инвалида Хуана Торреса. Моряки посыпались с кораблей в лодки и те, словно птицы, ломая накатывающиеся на пляж волны, помчались к берегу. Потрясение было так велико, что шумная вдали, крикливая толпа, собравшись у разложенных даров, вмиг онемела. Теутлиле едва смог скрыть насмешливую улыбку, потом коснулся ладонями песка, при-

²⁰ Маркезит – «железный камень», сернистый колчедан.

ложив их ко лбу и объявил, что его государь и повелитель Мотекухсома доволен подарками, посланными ему его могучим братом, который проживает за морем и рад был бы повидаться с таким его благородным военачальником, каким является Малинцин, однако нехватка времени и государственные дела не позволяют ему лично встретиться со мной.

Я, со своей стороны, сумев скрыть неподдельную радость при виде столь щедрых даров, ответил в том смысле, что мой монарх будет гневаться, если, пройдя из дальних стран столько морей ради одной заботы, познакомиться с благородным Мотекухсомой, мне не будет позволено лично увидеться с ним и передать ему королевское послание. Теутлиле ответил, что готов передать послание могущественного государя «из-за моря», однако я возразил и прибавил, что обязан сделать это только при личном свидании.

Между тем мои люди не сводили глаз с присланных сокровищ. Прежде всего, впечатляло своими размерами огромное, с тележное колесо, блюдо из золота. На нем было изображено солнце, рассылающее свои лучи по всему белу свету, и в промежутках между лучами сплошь шли искусно отлитые картинки. Весом это блюдо потянуло на двадцать тысяч золотых песо. Рядом лежало еще более великое и массивное блюдо из серебра с изображением луны и тоже с неисчислимым множеством великолепных рисунков. Был возвращен и солдатский шлем, доверху засыпанный золотым песком, которого оказалось на три тысячи песо. Прибавьте сюда двадцать искусно изготовленных из золота уток, а также фигурки собак, фазанов, местных тигров, о которых рассказывала нам Марина – их называют ягуарами – обезьян. Десять ожерелий с подвесками из драгоценных камней – очень тонкой работы. Дюжина стрел и большой, тоже из золота, лук. Просто загляденье!.. Два жезла в человеческий рост, фигурки оленей, полые внутри... Наконец, головные уборы, опахала и веера из перьев чудесной птицы «кецаль». Эта царская птица – большая редкость в здешних местах. Говорят, она подобна фениксу и, сгорая в огне, тут же возрождается... Сказки, наверное... Все помню, назубок запомнил весь список... Что там список – все эти сокровища до сих пор стоят перед глазами, поблескивают в солнечном свете, блистают, слепят, возвышают... Не знаю, как еще сказать. Там еще было тридцать кип тканей из хлопка и множество других вещей.

Такие дни запоминаются на всю жизнь. Кто бы мог подумать – я выиграл! На расстоянии! Заочно!.. С кучкой недостаточно верных мне, готовых на все авантюреро!.. У меня хватило выдержки отвести взгляд в сторону и внимательно взглядеться в лица подчиненных мне людей, чтобы по выражениям их черт, по алчно блещущим глазам, по подрагиванию рук определить, кто чего стоит. На кого можно будет положиться в дальнейшем, кто способен идти дальше, вперед. Выше, черт побери!.. Нас ждало небывалое будущее. Я всматривался в их лица и старался понять, кто способен штурмовать небо. Их было немного – все старые друзья-товарищи: Пуэртокаррера, Педро де Альварадо с братьями, Кристоаль де Олид, сеньоры Авила, Хуан де Эскаланте, Франсиско де Луго...

И все равно, они видели перед собой только золото – я же редчайший, понятный только для посвященных знак судьбы, способный перевернуть судьбу. Блеск металла не ослепил, не лишил меня разума. Я не надеялся на понимание, но все же мне было захватывающе интересно – неужели никто из них не догадывался, что означала эта груда золота?

Я уловил только один осмысленный взор – вернее, прищур в тон легкой усмешке, с которой она посматривала на окружающих. Мне никогда не забыть – она тут же, как только наши взгляды встретились, опустила голову и уже искоса, нелепо вывернув шею, глянула в мою сторону. Тут же зарделась. У меня не было сомнений – она все поняла. Ей, единственной, оказался понятен тайный язык этих предметов. В молчании золота, в изгибах складок плащей из перьев, в брошенных к моим ногам жезлах, в безжизненных позах разложенных, отлитых из металла животных ясно читалось – Мотекухсома проиграл свое первое и решающее сражение. Он проявил колебание. Не меч встретил нас, но дань! Это был первый откуп, которым слабый хотел задобрить сильного. Он сам, великий, могущественный, ужасный, кичливо недоступный

Мотекухсома, сам того не сознавая, признал себя слабейшей стороной. Или осозная?... Но этого не могло быть! Чем я и мои солдаты могли напугать его, что он даже не решился вежливо, но энергично выпроводить нас со своей земли? Вот еще одна тайна... Она змеей свернулась на этой гряде золота и коварно-ласково посматривала на в мою сторону. Невольно я бросил вопрошающий взгляд в сторону Марины. Она чуть отрицательно качнула головой и вновь легкая победная усмешка тронула ее губы. Выходит, эти дары значили только то, что они значили? Но в этом случае – я знал человеческую породу – сробевший в первый момент уже никогда не сможет преодолеть пагубный страх. Нерешительность, как ржа, будет разъедать душу. За этими дарами могут последовать охлаждение, внезапная вспышка ярости, желание побрызгать оружием, однако я сильно сомневался, что Мотекухсома отважится на решительный шаг. Он будет выжидать, он даст нам время. Он оставит нас в покое, ибо что нам соглядатаи – пусть смотрят, как мы будем засеивать поле и ждать всходов. Более того, Теутлиле по указу «императора» оставил в нашем лагере некоего вельможу Питальпитока, в ведение которого поступило снабжение нашего лагеря продовольствием.

Мы тоже одарили великого Мотекухсому – вручили послу три рубашки голландского полотна, стеклянных бус немеряно-несчитано, всякой мелочи, цена которой на рынке в Севилье едва ли будет десять дукатов.

Вечером того же дня в собрании офицеров Педро Альварадо громогласно заявил, что хватит терять время, пора двигаться на Теночтитлан и пошуровать в кладовых у *этого* самого Монтесумы. Педро упорно выговаривал его имя таким странным манером. Эта идея вызывала горячий спор. Я сам после получения даров склонялся к мысли, что поход в глубь страны следует совершить как можно быстрее. Хоть завтра! Если бы я был уверен в своей войске!.. Ордас, Хуан де Леон, этот мерзавец Эскудеро принялись доказывать, что подобное решение является прямым вызовом его милости губернатору Кубы Диего Веласкесу. Как бесило меня это ежедневное, по поводу и без, когда грубоватое, когда восторженное упоминание этого имени! Я выждал, успокоился, потом обратился к стоявшей рядом Марине с вопросом – возможно ли в нынешних условиях выступить в поход на Теночтитлан. Она ответила тихо, в напряженной, мгновенно установившейся тишине. Все замерли!

– Нет, еще не пришло время сбора урожая... – и опустила голову.

Пуэртокаррера изумленно глянул на нее, потом перевел взгляд на меня...

Глава 6

Посланец с юга, с одной из застав, расставленных вдоль морского побережья, добрался до Теночтитлана в первые дни месяца «уэн тосотли», что означало «долгий пост».

Месяц был посвящен богу Сентеотлу и древней покровительнице молодой кукурузы Чикомекоатл – им на этой священной неделе следовало приносить жертвы. Так оно и должно быть, прикинул гонец, теперь, когда на полях встала молодая кукуруза, земля должна любовно вскормить побеги, а для этого надо хорошенько поклониться могучему Сентеотлу. Затем зеленым следует вдосталь напоить дождем, а для этого придется задобрить Тлалока и всю его семейку, а также многочисленный род богинь кукурузы. И для всех церемоний требуются жертвы – людишек собирают по всем покоренным городам. Не плохо бы, прикинул гонец, по случаю такого неудачного года, всех этих ужасающих знамений, что случились в последнее время, устроить хорошую победоносную войну... Хотя бы против этих пришельцев, с вестью о новом появлении которых, о том, что они все-таки двинулись на север, он спешил в столицу. Тут его сердце сжалось от ужаса, словно холодная грязная рука жреца, вспоровшая ему брюхо, добралась и до этого священного комочка плоти. Он едва не вскрикнул... Хвала богам, успел опомниться – орать на дамбе, с юга ведущей в Теночтитлан, пугать крестьян, с утра пораньше копавшихся на своих, плавающих по водам озера Тескоко чинампам²¹ – не дело. Этак можно угодить в руки надзирающих за порядком. Те могут обвинить в нарушении общественного порядка, доставить на сторожевой двор, и тогда весть, ради которой он на своих двоих, почти бегом, мчался ко дворцу будет доставлена с опозданием. Это еще более тяжкое преступление, чем вопли на дамбе, после чего ему точно не миновать жертвенного ножа.

Так что там насчет чужеземцев? Его мысли вновь метнулись к огромным, свободно бороздящими широкую морскую гладь холмам, чьи вершины осеняли белоснежные, вздувшиеся под напором ветра, прямоугольные флаги. Зрелище было невиданное, вгоняющее в оцепенение. Прибавьте к этому сообщение о недавней битве, случившейся в устье Табаско, во время которой бородатые люди, заселившие эти движущиеся по волнам горы, наголову разгромили орду *этих* диких варваров. Приложите сюда рассказы о чудовищных порождениях бога войны Уицилопочтли – существах четырехногих и двухголовых, о божественных змеях, изрыгающих грохот, дым и огонь, и в голове сама собой родится трезвенькая мысль. Ну их, этих чужеземцев! Непонятно, кем они посланы. Они там, на заставе, долго спорили и как опытные воины пришли к единодушному выводу – пощупать бородатых, конечно, следует. Если они люди и смертны, то следует захватить их в плен и принести в жертву богу ветра, ибо они безбоязненно святотатствуют. В Сеутле, например, выбросили из теокали²² изображения Кецалькоатля или по-ихнему – Кукулькана. Если же они боги или посланцы богов и не ведают смерти, то надо им поклониться, принести дары, попытаться выяснить, зачем они появились в благословенной стране Мехико. В любом случае без большого количества жертв не обойдешься. Иначе как умиловить богов?..

Был ранний час, и над обширной горной долиной, приютившей столицу и множество других больших городов, над безразмерной гладью озера Тескоко, трепетало низкое, окрашенное бирюзой небо. Уже посверкивали и розовели в солнечных лучах снеговые шапки Попокатепетля и Иштаксиутля – их отблеск подкрашивал нижние края маленьких тучек, которые любят висеть над вулканами. Ниже вырисовывалась густая свинцовая завесь сплошных облаков, в той стороне – на востоке – было мрачно, уныло. Здесь же, среди синеющих, отдохнувших за ночь озерных вод, в виду светлых оголовков-храмов, воздвигнутых на вершинах ступенча-

²¹ Чинампа – искусственные острова, на которых разводили сельскохозяйственные культуры и устраивали сады.

²² Теокали – местный языческий храм.

тых пирамид, среди десятков пирог, стремящихся в город с товарами и съестными припасами, верениц носильщиков, шлепающих босыми ногами по каменным плитам – было поспокойней.

Крошечные зеленые островки постепенно собирались в подобие пригородов, изрезанных каналами – это были те же чинампы, только с помощью корней деревьев, уже вросших в илистое дно. Они намертво вставали вровень с соседями. За геометрической нарезкой кварталов следили особые чиновники. Здесь уже можно было заметить тростниковые крыши крестьянских хижин. Скоро убогие жилища сменили строения, стены которых были сложены из адобов²³. Наконец дамба незаметно перешла в улицу, ограниченную с обеих сторон более нарядными домами – их стены были побелены или натерты толченой пемзой тускло-красного цвета.

Гонец прибавил шаг – до цели было совсем близко. Еще несколько кварталов, соединявшихся переброшенными через каналы мостами, и он очутился на центральной площади Теночтитлана, еще полупустой в этот ранний час. Редкие группки жрецов в темных одеяниях – волосы их были испачканы запекшейся кровью, уши изувечены во время церемоний – бродили по площади. Разжигали кадельницы, украшали гирляндами из цветов головы гигантских змей, которые снизу ограничивали балюстраду крутой лестницы, ведущей на верх пирамиды. Там, в лучах явившегося солнца серебристо посверкивали два храма. Справа от пирамиды возвышались стены, за которыми располагались покои правителя Анауака – «страны у вод» – Мотекухомы Шойокоцина (Младшего.) Посланцу долго объясняли на заставе, как обойти дворец, в какие двери следует постучаться. Он немного запаздывал, и поэтому на сердце было неспокойно, однако слугитель в высоком головном уборе из перьев, принявший послание правителя Куахтли, не обратил на запыхавшегося и изо всех сил скрывавшегося тяжкие вдохи воина никакого внимания. Просмотрел послание и коротко бросил.

– Жди! – потом уже у порога двери ведущей в следующую комнату, за которой чуть просматривался внутренний дворик, добавил: – Снаружи...

Приказ был понятен. Гонец вышел на площадь, сел на корточки у стены, дождался оставшийся кусок кукурузной лепешки. Позволил себе встать и добраться до источника с ключевой водой, которая хлестала через прорубь в глиняной трубе. Попил, вернулся на прежнее место, вновь присел на корточки – так и замер у стены.

Тени укорачивались на глазах, раскалялись каменные плиты, которыми был выложен пол на главной площади Теночтитлана. Солнечный свет густел, плотно ложился на стены дворца, покрытые каменной резьбой плоскости пирамид, на жертвенник, расположенный у спуска к каналу; на громадную стойку для черепов, разложенных там в строгом, по годам, месяцам и дням порядке. Воздух, пропитанный ароматом курящейся в кадельницах драгоценной камеди, пахучим дымком костров, уже заметно подрагивал, обнаруживал свою весомость и изначальную животворящую силу. Мир плыл перед глазами, терял реальность. Храмы Уицилопочтли и Тлалока, воздвигнутые на вершине пирамиды, казалось, оторвали основание и воспарили в воздух. Еще мгновение – и волей небесных правителей они займут свое место на вершине Попокатепетля, раздадутся вширь и ввысь. Великие боги выйдут к жертвенному камню, что лежал между двумя храмами, глянут вниз, на раскалившуюся от зноя землю, на спящих на ней людишек... Что возвестят они в этот момент? Чем порадуют? Или выкажут гнев?..

В колеблющемся воздухе обрели живость, затрепетали таинственные символы священных календарей, выбитые на округлых каменных плитах, стоямя расставленных по периметру площади. – шел «Первый день тростника» – тринадцатый год с начала эры науа. Возле одной из плит, уложенных горизонтально, толпилась группа торговцев, каждый из которых размахивал длинным шестом с прикрепленным к нему ковшом с дымящимися благовониями. Видно, собрались в дальние края за товаром, вот и решили принести в жертву раба. Что-то они поскупились, выбрали какого-то немощного, худющего... Раб стоял, опустив голову, на его лице

²³ Адобы – высушенные на солнце кирпичи из глины.

запеклась маска крайней усталости. А ведь отдохнуть после жертвоприношения, после того, как вырванное его сердце будет сожжено на священном огне, ему не придется. Четыре дня рабу придется добираться до царства мертвых, называемом Миктлан. Хватит ли у него сил пройти между двух гор, избежать нападения змеи и исполинского аллигатора, пересечь восемь пустынь, переправиться через широкую реку?.. Ох, не хватит! Но купцам до этого нет никакого дела – им лишь бы насытить Якатекутли, владыку указанного пути, чтобы тот обеспечил им безопасность в пути и выгодный обмен, а на повелителя царства мертвых Митлантекутли им плевать.

Ох, люди-человеки!.. Совсем от жадности головы потеряли.

Солнце перевалило за полдень, погрузилось в страну, где обитали женщины, погибшие во время родов. Это была почетная смерть – ведь они должны были одарить племя новыми воинами и теперь отдыхали в благодатном вечернем краю.

– Заходи! – чей-то голос оторвал гонца от созерцания.

Он послушно встал – в глазах поплыли радужные круги, члены пронзила острая боль – переступил через порог, прищурился. Тот же чиновник указал на дверь, ведущую в следующую комнату.

– Туда. Там накормят. Ты должен вымыться, тебя надуют, приведут голову в порядок, постригут... – чиновник внимательнее присмотрелся к посланцу с юга. Мелковат, жилист, сухопар, ребра торчат – если приглядеться, видно, как булькает сердце. Длинные волосы склеились в сосульки, покрылись пылью. По обнаженному смуглому телу тоже сплошь грязевые разводы. Из следопытов, по-видимому... Из отрядов охранения... Кто такого в боевой ряд поставит!.. Ходит плохо, долго, не умеет ждать. Прежде чем ступить, несколько мгновений приходил в себя – это никуда не годится. Хотя что с них взять, с южан. Тоже удовольствие – заниматься этим грязным скотом. Служитель вздохнул, задумался – если бы не важность сведений, которые он доставил с границы, стал бы он возиться с *этим*...

– Тебя позовут. Ты сам видел горы, шествующие по морю?

– Да, господин. Я следил за ними.

– Хорошо, ступай.

* * *

Кому послеполуденный отдых, а кому – головомойка.

С гонцом особенно не церемонились. После помывки кинули новую набедренную повязку и сандалии из сплетенных волокон агавы, кое-как надушили и приказали: «Ждать! «В девятом часу дня, ближе к закату, неожиданно прибежали два молодых дюжих воина, молча схватили гонца под мышки и поволокли через внутренний дворик в ворота. Следующий двор – просторный, с фонтаном и клумбами – был уставлен по периметру клетками, где в вечерней тишине нежились змеи. Было их здесь не перечесть! Завидев людей, некоторые из них подняли головы, зашипели. Скороход от страха и неожиданности невольно поджал ноги, но воины как будто не заметили тяжести живого тела. Далее в новый двор – здесь по клеткам были рассажены всякие звери. В ближайшей дрыхнул, свернувшись клубочком, дикий кот. Наконец притащили в какую-то скудно обставленную комнату и, постоянно понукая – быстрее, быстрее! – велели скинуть сандалии, накинуть скромный плащ из пальмовых листьев, предупредили, чтобы не смел поднимать голову, потом втолкнули в следующую комнату. Здесь его подхватили другие сильные руки, пригнули голову... Гонец совсем обмяк и, когда его отпустили, рухнул ниц. У стены в таких же плащах и набедренных повязках, склонив головы, стояли люди. Двое, нет, трое... Это были важные господа, пусть даже держались они скромно – глаз у скорохода был наметанный. Впереди возвышалась ширма из перьев – вся ее ширь представляла

собой необыкновенно яркую картину, изображавшая победу взмывающего в воздух орла. В когтях царственная птица держала дикую мексиканскую кошку.

У посланника перехватило дыхание – за ширмой сам великий Мотекухсома... Зачем его пригласили? Что он, невзрачный, маленький человечек, знает такого, чего не было в послании правителя Куахтли?

В этот момент из-за ширмы донесся тихий невнятный голос. Сверху кто-то – по-видимому, домоправитель тлатоани – возвестил.

– Подойди ближе.

Гонец тут же на четвереньках, не поднимая головы, поспешил вперед.

– Стой!

Он замер, затаил дыхание. Впереди что-то едва слышно зашуршало...

– Подними голову.

Вот этого скороход боялся более всего. Вдруг что-нибудь не понравится повелителю. Может, голову неправильно расчесал или тот сочтет, что взгляд у скорохода дерзкий. О дальнейшем он даже не смел задумываться.

– Подними голову.

Гонец осторожно глянул перед собой. В двух шагах от него, на возвышении, на низком широком ложе сидел великий Мотекухсома. Был он светлолик, на подбородке редкие длинные волосы. Это знак родства с богами, с великим Кецалькоатлем! Недаром про нынешнего правителя слава идет, что он весьма сведущ в тайных знаниях и люб богам.

Прищурившись, правитель терпеливо наблюдал за присланным с юга человеком, словно понимал, что тому надо дать время освоиться, прийти в себя – не каждый день простому воину доводилось лицезреть «того, кто общается с богами», и сам наполовину бог. Мысли человека, стоявшего перед ним на четвереньках, были понятны Мотекухсоме Шокойоцину. Ясным представлялось и будущее этого скорохода. Пройдут годы, он отслужит свой срок, получит право без меры глотать пульке²⁴. Худо тогда придется его внукам. Налакавшись пульке до двух сотен кроликов, в который раз он будет рассказывать им о встрече с самим правителем. Те не будут знать, куда спрятаться от пьяного деда. Мотекухсома усмехнулся... Пусть рассказывает!

Между тем гонец перевел дух, ребра чуть заметно расширились и опали.

– Расскажи, что ты видел на морском берегу? – спросил Мотекухсома. Голос у него был тихий, окончания правитель сглатывал, так что приходилось внимательно прислушиваться к словам.

– Господин наш и повелитель, прости мою смелость. Я прибыл из Миктлана Куахтли. Мне и тем, кто приписан к пограничной заставе, было поручено следить за морским побережьем. Я бродил по берегу и вдруг увидел нечто, напоминающее не то гору, не то большой холм, шевеливший морскую гладь и не пристающий к суше. За первой горой двигалась другая... Всего их было десятков и еще одна. Подобного мне не приходилось видеть, – гонец сделал небольшую паузу, сглотнул слюну, потом добавил: – Нам поручено охранять побережье, и я сразу поспешил к правителю Куахтли. С той поры мы пребываем в тревоге.

– Похожи ли эти горы на большие лодки?

– Да, государь, я бы и назвал их пирогами, если бы не огромные куски полотна, натянутые на древесные стволы. Их надувает ветер, и потому они стремительно скользят по морю.

– Почему ты решил, что с помощью этих кусков материи пироги приходят в движение?

– Потому, государь, что, когда наступает тишь и полотнища опадают, пироги останавливаются. С них бросают камни на веревках, и они замирают, как привязанные, несмотря на прилив и отлив.

²⁴ Пульке – крепкий напиток из сока агавы. Степень опьянения, по верованиям ацтеков, определялась количеством кроликов: 400 – крайняя степень, 10–20 – веселое настроение.

- Пользуются ли бородатые люди веслами?
- Да, великий... Я сам наблюдал, как с маленькой пироги, над которой был натянут кусок материи, напоминающий платок о трех углах, спустили весла, и она направилась к берегу.
- Когда это случилось?
- Как только стих ветер, государь.
- С какой целью?
- Набрать пресной воды, повелитель.
- Видел ли ты четырехногих и двухголовых чудовищ, принимавших участие в сражении при Табаско?
- Нет, мой повелитель. Я только слышал о них.
- Что еще ты можешь рассказать о пришельцах?
- Более ничего, государь. Я бдительно следил...
- Верю. Ступай...

Когда скорохода вывели из зала, наступила тишина. Мотекухсома выпрямился – так и застыл в неестественной позе. Люди у стены замерли. Наступила тишина.

– Свершилось! – наконец подал голос тлатони. – Они пришли. Завтра волей богов объявляю заседание Государственного совета.

Потом он подозвал советника.

– Ты все записал? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Допросите гонца, пусть он расскажет все, что знает. Вплоть до самых мелких подробностей... К завтрашнему совещанию все бумаги должны быть готовы и прежде всего полный отчет о появлении чужеземцев в наших краях и дальних землях.

* * *

Должно быть, это действительно захватывающее зрелище –двигающиеся по морю горы. Вот что непонятно – чужеземцы разрушили храм могучего Кецалькоатля в Сеутле, и все равно бог ветра Экатл покорно наполняет стремительной силой их корабли. Вот в чем заключена тайна, ведь Экатл – всего лишь воплощение неодолимого Кецалькоатля. Что позволяет пришельцам так легко добиваться победы в сражениях? Где разводят они этих невиданных, пышущих злобой, дымом, огнем и грохотом зверей? Откуда прибыли они, и что ждет теперь правителя страны у вод и все племя непобедимых тенчоков²⁵? Если рассуждать здраво, то восток – именно с той стороны появились пришельцы – это край изобилия. Там правят повелитель дождя Тлалок и владыка туч Мишкоатл. Они суровы, но справедливы к людям. Если не пожалеть для них человеческой крови, то милость их становится безгранична... Так, так...

...Мотекухсома, закинув руки за голову, лежал на широком ложе. Рядом лежала наложница – полная, мягкая, с маленькой грудью, крепкой, как два початка кукурузы. Он любил проводить с ней зимние ночи. Женщина бывало потела, но все равно она так вкусно, до одури аппетитно, пахла. Была послушна и ненавязчива – случалось, иной раз понимала, о чем он толковал по ночам. О-о, иногда ему выпадали странные, наполненные неясным томлением, завораживающие тайным смыслом ночи. Тогда он прозревал и видел себя у подножия небесных чертогов великого Уицилопочтли или в облачном храме Тлалока, а то попадал в объятия самого Кецалькоатля. Случалось – и эти минуты были самыми жуткими и завораживающими – оставался один на один с богом «курящегося зеркала» – непостижимым и всесильным Тескатлипокой.

²⁵ Тенчоки – другое название ацтеков. По их верованиям, они пришли из легендарной страны Астека и, поселившись на плато, возле озера Тескоко, в кругу родственных племен, говоривших на языке науатль, где стали именовать себя ацтеками.

Повелитель много размышлял о божественных сущностях, их способности изливать на землю, в самую гущу хлопотливых, озабоченных бытием людей свет мудрости и знаний. Об одном из таких полночных откровений он всегда вспоминал с трепетом, даже писцам заикнуться об этом не решался.

Если продолжить мысль легендарного мудреца Несауалкойотля²⁶, бывшего когда-то, в другую эпоху, правителем Тескоко, то неизбежно придешь к выводу, что и бог войны, непобедимый Уицилопочтли, и не знающий границ Кецалькоатль, и громopodobный Тлалок всего лишь воплощения единой, неподвластной разумению силы, владеющей миром. Все божьи существа – лишь проявления ее изобильной, животворящей сущности. Имя бога по существу одно.

Тескатлипока!.. Владыка «курящегося зеркала».

Это был ошарашивающий вывод. Выходило, что и чужеземцы – не более чем порождение того же таинственного владетеля мира, и их жажда золота – только алчность, а поклонение деревяшке, сколоченной в форме креста, – то же воспевание Тескатлипоки, или как *они* его там называют...

Женщина не спала – ей, когда бодрствует тлатоани, не положено было спать. Нельзя в то же время мешать боговдохновенным раздумьям Мотекухсомы. Неожиданно правитель услышал тихие всхлипы. Этого еще не доставало! Он легонько ткнул женщину в бок – та сразу же повернулась к нему, запричитала громче, зашептала жарко.

– Во дворце только и говорит о завтрашнем совете. Что же теперь будет? Чужеземцы придут сюда? Обратят нас в рабство? Принесут в жертву? Убей их! Убей их сразу!.. Пусть их сердцами насытятся боги. Спроси у гадалыщиков...

Тут же она поняла, что ляпнула запретное, в страхе прикрыла рот пухленькой ладошкой, выжидающе глянула на Мотекухсому. Щека у того дернулась, он коротко и тихо выдохнул:

– Вон!

Женщина моментально метнулась к порогу, там накинула на себя хлопчатобумажную накидку, прикрыла голову и выскочила за дверь.

Тик не отпускал Мотекухсому. Вот оно наказание за крамольные мысли!

И сердце вновь, как в тот день, когда он проиграл правителю Тескоко Несауалпилли последнюю, пятую, партию священной игры в мяч, – ухнуло в бездну.

Гадалычики! Прорицатели, властитель мертвых их раздери! Послушать их, так его, Мотекухсомы, песенка уже спета! Одни говорят одно, другие вещают другое – кому верить? Базарным фокусникам? Шарлатанам? Для них любой пустяк – повод для запугивания людей. Только боги могут дать ответ, что означают все эти знамения, так нелепо обрушившиеся на подвластную ему страну. Причем ответ может быть дан только ему, Мотекухсому! Лично!..

Вот какие знамения не давали ему покоя.

Прежде всего, в течение года за озером изредка в полночь вздымался в небо огненный столб. Затем были разрушены два храма – один внезапным пожаром, другой – молнией, не сопровождаемой громом. Однажды в полдень в небе явилось хвостатое чудовище, а на востоке по ночам загоралось неведомое сияние. Десять лет назад на озере Тескоко внезапно поднялось сильное волнение, а совсем недавно в Теночтитлане раздался истошный женский вопль: «Дети мои, – кричала безумная, – мы погибли! Погибли-и-и мы-ы!..»

Тлатоани обратился к гадалыщикам. Их ответ был вполне благоприятен для него, однако правитель Тескоко принялся доказывать, что живущие в Теночтитлане прорицатели ошибаются. А его, из Тескоко, видите ли, безгрешны! Вот что они разглядели в ближайшем будущем – небывалые бедствия ждут Мехико. Ему, великому Мотекухсому Шокойоцину, тоже несдобровать.

²⁶ В переводе это имя означает «Голодный Койот».

Безумцы! Они посмели угрожать самому тлатоани племени тенчоков, боевой клич которых способен поколебать землю, привести в трепет сотни племен, населяющих просторы среднего края и все четыре области горизонтального мира.

Спор предводители союза трех городов решили разрешить посредством священной игры в мяч. В первых двух партиях Мотекухсома по милости богов наголову разгромил соперника, однако в трех последующих периодах он уступил.

Это, конечно, был дурной знак, но Мотекухсومه удалось задобрить богов. Он принес в жертву несколько сотен человек. Было видение, что повелители неба приняли жертвы и, насытившись, решили отвратить печальный жребий.

И все равно покоя не было! Следом провалилось новое вторжение в непокорную Тласкалу²⁷. Пришлось вернуться к прежней политике, проводимой дедом Мотекухсомы, непобедимым Ашайякатлом, его братьями – Тисоком и Ауциотлом. Суть ее сводилась к организации полной блокады Тласкалы, попыткой с помощью голода и хозяйственного разорения поставить непокорных горцев на колени. Собственно, других поражений Мотекухсома не знал. По всей стране было тихо, редкие местные мятежи улаживались с помощью стоявших там на постое отрядов ацтеков. Если бросить на весы сделанное – он покорила Семпоалу, прошел по всему восточному побережью почти до самого устья Табаско, затем совершил несколько успешных походов на юго-запад – то общий итог будет явно в его пользу. Но что значил этот подсчет по сравнению с волей богов, которым дано в одночасье опрокинуть всякие надежды, всякий триумф, любое пророчество.

Так пусть они ответят!

Он поднялся с ложа, кликнул постельничих, приказал послать гонцов и призвать двух главных жрецов – Кецалькоатля Тотек-тламакаски и Кецалькоатля Тлалок-тламакаски. Только тихо, – предупредил он слугу. – Если что-то станет известно в городе или при дворе, он будет безжалостен. Понятно?

Помощник домоправителя, средних лет, хорошо сложенный человек из благородного семейства, правившего одним из двадцати родов, входящих в племя непобедимых тенчоков, был явно напуган последовавшим приказанием. Он даже посмел возразить:

– Повелитель, в такой час?.. Когда землей владеют духи ночи? Когда никто, как бы свят он ни был, не может чувствовать себя в безопасности?..

Мотекухсома прищурившись долго смотрел на слугу, потом наконец подал голос:

– Хорошо. Подними отделение²⁸ охраны, только сам выбери людей. Если кто-нибудь из них проговорится, ты первый лишишься сердца. Предупреди жрецов, – так же сквозь зубы добавил тлатоани, – я собираюсь взойти на вершину пирамиды и встретить рассвет в храме Уицилопочтли. Никаких факелов, процессий – только я и они.

* * *

Лестница была настолько крута и длинна, что волей-неволей правителю Теночтитлана и обоим сопровождающим его высохшим, похожим на мумии, седовласым жрецам, пришлось сделать несколько остановок. На одной из них Мотекухсома припомнил, что в молодости, когда он был служкой при храме бога войны и воплощенного солнца Уицилопочтли, ему хватало дыхания и сил с одного раза, без спешки, одолеть лестницу, по которой боги спускались с небес на землю.

²⁷ Тласкала – горная область к востоку от долины Анауака, так никогда и не покоренная ацтеками.

²⁸ 20 человек.

Воспользовавшись моментом, один из жрецов, являвший собой земную ипостась великого Тлалока, – был он в набедренной повязке, на голове убор из птичьих перьев, – позволил себе первым спросить государя:

– Повелитель, мне доложили, что некий ремесленник из Чолулы соорудил из двух спилов дерева что-то подобное детской игрушке и теперь возит на ней ноши груза. Как поступить с этим человеком?

– Тележка катится по земле, не так ли? – спросил повелитель и тут же, не дожидаясь ответа, распорядился: – Святотатца, посмевшего приспособить священный символ солнца для грязной, недостойной работы, лишит сердца в ближайшее чествование молодого воина Уицилопочтли. Оскорбляющий достоинство светила предмет сжечь! Только тихо, в каком-нибудь отдаленном храме, без привлечения излишнего шума. Ни к чему...

Наконец они выбрались к полыхающему в ночи священному огню. Яркие отблески ложились на оштукатуренные стены обоих храмов, на гранитный камень с углублением и канавками по бокам, на каменные плиты. В свете огня небо на вершине казалось особенно мрачным и непроглядным. Мотекухсома направился в тень, оба главных жреца последовали за ним.

– Предупредите охраняющих огонь, чтобы ни слова о сегодняшнем нашем восхождении.

Когда приказание было исполнено, он продолжил:

– Молитесь, святые отцы! Молитесь денно и ночно... Пусть живущие над облаками дадут ответ – кто они, пришельцы? Дети и слуги великого Кецалькоатля или дерзкие пополокас²⁹, которые явились, чтобы низвергнуть наше племя и уничтожить богов, которым мы поклоняемся. Этот вопрос должен быть решен раз и навсегда! – Мотекухсома рубанул рукой ночной воздух. – Как вписывается их появление в мировой порядок, должное исполнение и существование которого поддерживаем мы, ацтеки! Молитесь неустанно, ждите знамения... Я буду ждать ваш ответ.

– Великий государь! – воскликнул главный жрец бога войны. – Они – варвары и никакими другими существами быть не могут. Вспомните, кого увел на восток великий вождь Се Акатль Топильцин-Кецалькоатль! Народ строителей-тольтеков. Они говорили на нашем языке, разделяли наш взгляд на мир. Это же недопустимое и кощунственное упрощение приписывать этим чужеземцам родство с Кецалькоатлем только потому, что у них на щеках и подбородке растут волосы!.. По сведениям разведчиков-купцов они смертны, у них красная кровь, ею вполне могут питаться боги. Кроме того, свидетели утверждают, что в Сеутле они низвергли изображение самого божественного «пернатого змея» Кецалькоатля. Это дикие, жаждущие золота люди...

– Но почему они так охочи именно до золота? Неужели им неизвестно, что серебро куда дороже? Они не понимают великой ценности нефрита? Это что – тупость или неразвитость? Да, они сокрушили святилище Кецалькоатля, но сам Эзатл наполняет силой полотнища на их пирогах. Они ведут себя непочтительно по отношению к могучему Уицилопочтли, и в то же время сумели развести страшных зверей, одни из которых пышут огнем, другие четырехноги и о двух головы. Их горсточка, но они сокрушили тридцати двухтысячное войско людей из Сеутлы. Конечно, всем известно, какие они вояки, но у чужеземцев всего двое убитых! Я не могу бросить свою армию в бой, не будучи уверенным, что мы имеем дело именно с людьми, которые чужды нашим богам. Армия – это решающая сила, с ее помощью мы держим в страхе всю землю от моря и до моря. Я не имею права на поражение, иначе все *эти* трусливые шакалы, которых мы сокрушили, вновь поднимут голову. Но это дела земные, вам не следует задумываться об этом...

– Великий государь, – откликнулся верховный жрец, воплощавший на земле бога дождей Тлалока, – вспомни, чему учил я тебя, когда ты был служкой при этом храме. Не надо припи-

²⁹ Пополокас – варвары (*ацтек.*)

сывать божественную ипостась произошедшему от женщины. Никто не знает, откуда они пришли, но они люди. Обыкновенные человеки, возомнившие, что могут безнаказанно посягнуть на непобедимого Кецалькоатля и Уицилопочтли. Боги копят гнев, ты должен стать их бичом. Сбрось их в море, а кровью пленных насыть наших небесных властителей...

– Ага, сбрось! – воскликнул Мотекухсома. – Придут другие. Я не могу постоянно держать большой отряд на побережье. У нас не так много воинов, как хотелось бы... Всего сто двадцать тысяч, и все они при деле.

– Другие не явятся! – убежденно и страстно заговорил второй жрец. – Несведущая чернь болтает, что они якобы явились из-за моря, но ведь известно, что за морем земли нет. Там только вода, плавно переходящая в небосвод. Мне ли объяснять тебе, великому и мудрому, устройство мира?.. Скорее всего это шайка разбойников, изгнанных из родных мест. И пришли они не с востока, а с юга, из страны зла. Из областей, подвластных богу весны Шипе. Вот и надо к следующему празднику весны содрать с их военачальника кожу и принести его в жертву.

– Я бы не стал так опрометчиво лезть на рожон, – возразил жрец Тлалока. – В таких делах спешка опасна. Наша цель – сохранить мировой порядок, чтобы демоны ночи не посмели даже прикоснуться к сияющему диску солнца, чтобы солнце и луна не встретились в битве. Чтобы эти мрачные звезды, – он обвел рукой небосвод, – никогда не посмели вторгнуться в область дня. Такова воля богов, таков наш ответ.

Между тем звезды, густо высыпавшие на низкий, как бы облокотившийся на вершины вулканов Попокатепетля и Иштаксиуатль небесный купол, действительно мрачно, с какой-то угрюмой подозрительностью наблюдали за стоявшими на вершине пирамиды людьми. Ночь была безлунная и все равно светлая. Близился рассвет, за сереющими очертаниями великих гор уже начинала пробиваться узкая бирюзовая полоска. Светлело... Вселенная – животворящая, пронизанная солнечными лучами, одаривающая людей теплом, светом, кукурузой, перцем, мудростью и прочими дарами великого Кецалькоатля – возрождалась на глазах. Этот ясный, благостно устроенный мир и должны были защищать ацтеки. Это был их удел – так учили древние, об этом так часто напоминали им боги. Тьме отводилось девять часов священных суток, после чего она должна быть изгнана из обитаемых земель...

Скоро все тринадцать небес обозначились над головой Мотекухсома и сопровождавших его жрецов. Каждое из них было по-разному окрашено – сначала розово-алый ярус-мир, где совершали свой ежедневный и ежегодный путь луна, солнце, а также вечерняя звезда – любимица Кецалькоатля, затем травянисто-багряное обиталище великих богов. Еще выше и западнее располагалась синеватая мгла – место, где правила животворящая двойственность, воплощенная в Подателе жизни и Хранителе вселенной.

Бежали мгновения. Заметно притухали костры, горевшие на других пирамидах Теночтитлана. Вдали очертились берега Тескоко, прямо на севере уже были видны строения соседнего города, расположенного на этом же острове Тлателолко.

Государь ждал восхода, ждал знамения, которое дало бы ответ как поступить. Наконец солнечный диск ослепительно брызнул лучами и уже через несколько мгновений начал привычно карабкаться к вершине небосвода. Золотое око Уицилопочтли равнодушно оглядывало землю...

* * *

Два мнения столкнулись на Государственном совете. Наиболее непримирим был Куитлак, родной брат тлатоани, правитель Истапалапана – города, расположенного на южном берегу Тескоко неподалеку от Теночтитлана. К Истапалапану была протянута одна из дамб, которые связывали столицу империи с окружающим миром. Он упорно и вызывающе настаивал на том,

чтобы волей совета вождей союзных племен все вооруженные силы должны быть брошены против пополокас.

– Призываю сделать все возможное и невозможное, чтобы вырвать с корнем сорное семя, невесту откуда занесенное к нашим берегам!

Мотекухсома, раздраженный нарушением церемониала, – брат подал голос ранее оглашения советником исторической справки и сводки последних сведений, которые поступили в канцелярию тлатоани от скорохода с юга – осадил того взглядом.

Наступила тишина, теперь никто не смел рта открыть, пока не позволит правитель Теночтитлана. Мотекухсома умел держать паузу, любил это делать. Он и храмовой школе обычно отвечал после долгой задержки. Если кто-то из учителей-жрецов начинал выказывать нетерпение, он сосредотачивал на нем тяжелый неподвижный взгляд. «Власть, – как-то поделился с ним правитель Тисок, его двоюродный дед, – не любит суеты, криков, неисполняемых угроз. Бояться должны не речей, а взгляда». Дедушка был прав – подданные действительно даже вздоха его боялись. Правда, правил он недолго, его отравили через шесть лет после того, как выбрали тлатоани.

– Даже в такой напряженный момент не стоит забывать о приличиях, – кротким тихим голосом напомнил Мотекухсома. Он сидел на царственном ложе – на голове золотой венец, в мочках ушей драгоценные серьги из нефрита. – Сначала послушаем советника. Он ознакомит присутствующих с существом дела.

Советник – человек средних лет очень приятной наружности с огромным кольцом из золота, продетым в правую ноздрю, шагнул вперед и принялся излагать сведения, которые аккуратно собирались властями Мехико и касались появления в их краях неведомых чужеземцев, избороздивших восточное море на больших, движимых силой ветра лодках. Первое упоминание о бородатых, светловолосых людях, повелевающих исполинскими пирогами, порокой страшных, огнедышащих, извергающих дым и грохот чудовищ, а теперь, как оказалось, и какими-то двухголовыми существами, пришло в Теночтитлан от высадившихся дикарей, суденышко которых сильным ураганом отнесло к берегам Мехико.

В последние два года их огромные, как горы, лодки дважды осматривали побережье страны майя, пытались высадиться в Чампотоне, но были отброшены с большими потерями. Есть свидетельства, подтверждающие, что они пролили на поле боя свою кровь. Она красного цвета и съедобна для богов. Теперь они появились в пределах Анауака. Люди, живущие на реке Табаско, в Сеутле, были предупреждены о недопустимости каких-либо контактов с пришельцами. На первый взгляд, они так и поступили и отказали тем в пресной воде и кукурузной лепешке, однако после трех сражений они мало того, что признали власть какого-то неизвестного восточного владыки, но и позволили разрушить храм могучего Кецалькоатля, что доказывает...

Советник позволил себе сделать паузу и, набрав полные легкие воздуха, звенящим и торжественным голосом добавил:

– Что доказывает безосновательность утверждений, что они ведут свой род от того, кто ушел за море.

Наступила тишина. Мотекухсома с явным нетерпением ждал возгласа или какого-либо другого непочтительного жеста со стороны правителя Истапалапана, однако Куитлауак сумел взять себя в руки и, несмотря на душившее его негодование, дождался приглашения начать обмен мнениями. Он первым взял слово:

– Хочу сразу заметить, что вопрос о происхождении чужеземцев не может считаться главным. Хотя бы в этот момент... С кем мы имеем дело, следует выяснить на поле битвы. Конечно, не следует бездумно бросаться в бой, однако люди, посмевшие нарушить границы Анауака, заставившие отложиться тех, из Сеутлы, являются врагами. По форме и по сути... В какие бы одежды они ни рядились...

– По-видимому, уважаемый правитель Истапалапана, – язвительно начал молодой Какамацин, правитель Тескоко и любимец Мотекухсома, – полагает, что с помощью боевой дубины можно решить все, даже самые запутанные проблемы. По-видимому, уважаемый правитель Истапалапана не обратил внимания на то обстоятельство, что пришельцы всегда, во всех случаях называют себя посланцами некоего неведомого владыки. Это может означать только одно – они не являются кучкой разбойников или изгнанным из своих пределов племенем. Значит, начиная войну, мы сразу бросаем вызов восточному государю. Хочу добавить, могучему государю, который вслед за этим отрядом непременно пошлет следующий. На какой же путь нас толкает уважаемый правитель Истапалапана? Теночтитлан и Тескоко как две главные военные силы в нашем союзе окажутся втянутыми в длительную, с непредсказуемым исходом войну. Даже в случае нашей победы, а я не сомневаюсь в ней, мы будем вынуждены постоянно держать на побережье большое войско. А чем, позвольте спросить, кормить его? Запасов, хранящихся в Семпоале, мало, тем более что в верности этих новых подданных я сильно сомневаюсь...

– Хорошо, – прервал его Мотекухсома, – что же ты предлагаешь?

– В чем состоит наша главная задача? Я полагаю, мы должны выиграть время, чтобы поближе познакомиться с чужеземцами, вывести, на что они способны, и в то же время не допустить высадки на побережье их новых отрядов. Следовательно, необходимо встретить их уважительно, с лаской, как почетных гостей. Проводить в столицу, поселить здесь... Я не знаю более удобного места, где наши воины смогли бы быстро и без особых хлопот разделаться с ними. Насколько мне известно, их метаящие огонь звери и эти двухголовые существа особенно опасны в поле во время сосредоточенной массированной атаки боевого ряда. Здесь же мы можем легко блокировать их. Конечно, следует подобрать подходящий квартал для их расселения. Мы не должны препятствовать их связям с неведомым владыкой – по крайней мере, в этом случае мы обезопасим себя от появления новых отрядов.

– Уважаемый правитель Тескоко, – ответил вдруг погрузневший вождь Куитлауак, – намекая, что от решительного столкновения с противником, выиграют исключительно малые города – что очень мне обидно! – забывает, что чужеземцы тоже получают возможность приглядеться к нам. Он не учитывает, что направляясь в Теночтитлан, они смогут составить полное представление о нашей мощи и о наших – да простит меня великий Мотекухсома! – слабостях. Уважаемый вождь Какамацин утверждает, что необходимо выиграть время. Согласен! Но ведь точно такая же задача стоит и перед этими варварами!.. Однако в этом состязании у них есть немаловажное преимущество – скоро наступит пора сбора урожая, и нам будет очень трудно собрать войско. Они же малочисленны и, следовательно, подвижны. Еще два месяца, и у них будут развязаны руки! Учитывает ли уважаемый правитель Тескоко вот еще какой момент – именно теперь все ждут, что мы начнем собирать армию. Затяжка с мобилизацией расхолодит воинов, они могут посчитать, что большой опасности нет. Армию с таким настроением нельзя вести в бой!

– И все-таки, – наконец подал голос Мотекухсома, – правитель Истапалапана не ответил на главный вопрос: что случится, если мы потерпим поражение в первой же решающей битве. Он полагает, что в этом случае у чужеземцев не будут развязаны руки?

Это замечание пришлось не в бровь, а в глаз. Куитлауак замолчал, сжал губы. Действительно, в случае принятия предложенного им плана, первое же поражение может означать крах всего замысла. На вторую битву ацтекам просто не хватит продовольствия.

– Но и встречать с почетом тех, кто осмелился посягнуть на наши священные права над племенами, живущими в устье Табаско, тоже не дело...

– Конечно, – согласился Мотекухсома. – В этом смысле прав Какамацин, утверждающий, что нам не следует все ставить на одно-единственное сражение. Прав он и в том, что обе наши стороны заинтересованы в выигрыше времени. Конечно, пускать чужаков в столицу – это не выход из положения, но и бросаться в бой сломя голову тоже не стоит. Нам следует убедительно

продемонстрировать иноверцам нашу мощь. Но не на поле брани!.. И прежде всего, вывести все, что возможно об этих ужасных существах и больших лодках, способных улавливать ветер. Повелеваю отправить посольство на побережье и завязать переговоры с целью выяснения, что ищут в наших землях варвары.

Сразу после возвращения советника Теутлиле, с богатыми дарами отправленного на побережье, он был призван к Мотекухсому в зал заседаний. Здесь же были расставлены и подарки присланные вождем чужестранцев. Все они были тщательно осмотрены местными колдунами, проверены на наличие злых чар, окурены ароматными благовониями. Поодаль на низких столиках лежали свитки с рисунками, изображавшими Кортеса и его людей, корабли, пушки, коней, Малинче, Агиляра и многое другое, что с удивительной меткостью запечатлели ацтекские художники.

Теутлиле между тем докладывал.

– ...они называют себя испанцами. Мы дали им дары из золота, дары из перьев птицы «кецаль». Когда мы дали им все это, они возрадовались. На лицах их засияло счастье. Словно обезьяны, хватали они золото, раскачивались от удовольствия. Оно преобразило их лица и озарило ярким светом их сердца. Вот она, истина – с неизъяснимой жадностью чужеземцы стремятся к золоту. Сколько ни давай, им все мало. Уже брюхи раздулись, глаза повывлезали, а они все насыщаются и насыщаются. Как собаки...

Мотекухсома вполуха слушал посла. Он жадно разглядывал стеклянные бусы, какое-то не первой свежести кресло, в котором, как утверждает Теутлиле, он, великий тлатоани и любимец богов, должен встретить вождя чужеземцев – на этом настаивал их предводитель, в услужении у которого есть девка-рабыня Малинче. Кто такая? Почему свободно изъясняется на языке пришельцев? Теутлиле утверждает, что эти... «кастилан» получили девку в дар на реке Табаско. «Необходимо срочно отыскать все сведения об этой Малинче, – отметил про себя тлатоани». Он ощупал странные наряды из полотна – сбоку, к груди и спине, были пришиты мешки для рук. Зачем?.. Подержал в руках странный головной убор с медальоном на передней части. На нем был изображен некий воин, взгромоздившийся на нелепое четырехногое существо и пронзающий дротиком крылатую змею.

Крылатая, значит, в перьях? Необходимо срочно прояснить это обстоятельство. Пусть его золотых дел мастера тщательно изучат изображение... Он отошел к возвышению, некоторое время молчал, потом обратился к Теутлиле.

– Ты утверждаешь, что предводитель этих пополокас везет мне грамоту от своего владыки?

– Да, государь.

– Они полагают, что все эти дары достойны, чтобы вручить их мне?

– Да, повелитель.

Мотекухсома боялся поверить в такую нежданно-негаданно свалившуюся удачу. Любому ясно, что ценность присланных подарков не идет ни в какое сравнение с теми богатейшим набором предметов, которые отвез на побережье Теутлиле. Полезность и стоимость присланных даров были просто мизерны, а значит!.. Тлатоани Теночтитлана на мгновение затаил дыхание – значит, в такой же степени различается и их мощь! Какой смысл заводить отношения с неведомым восточным владыкой, у которого даже благородные подданные, даже послы, везущие грамоты, – нищие и жадные варвары! И ни одного знака, никакого намека на то, что они как-то связаны с Кецалькоатлем!

Надо же – пронзенная дротиком священная змея!..

Глава 7

Не знаю, догадывался ли Алонсо Пуэртокаррера о том, чего добивалась донна Марина? Какую цель преследовала она, пытаясь перебраться в мой шатер? По крайней мере, мы никогда – ни на побережье, ни здесь, в Испании – не заговаривали с ним на эту тему. Кое-какие наблюдения и обстоятельства склоняют меня к мысли, что она во всем призналась ему. Марина была способна на это, на пути к цели она была способна сокрушить любую преграду. В ее силах было убедить Алонсо, что в его собственных интересах разрешить ей перейти под мое покровительство. Конечно, соблюдая приличия... Может, потому он так безропотно согласился отправиться за море, когда в середине июня общий сбор участвовавших в походе солдат принял решение отвезти положенную королю пятину и дары, собранные солдатами нашему королю дону Карлосу. Как Марине удалось убедить его – не могу взять в толк, ведь Алонсо был не по годам смел и дерзок. Правда, случалось, ему не хватало хладнокровия. Он бежал в Новый Свет, спасаясь от королевского суда, который желал призвать его к ответу за похищение чужой жены. С тех пор с помощью его дяди, графа Медельина, дело уладилось.

Какие она нашла слова, чем поступилась, что обещала взамен – не знаю. Эта тайна до сих пор мучает меня. Известно лишь, что с той поры, как я вернулся в Испанию, Алонсо не очень-то стремится навещать мой дом. Я щедро одарил его, он принял подарки молча, поблагодарил скупно, вид у него был какой-то вялый. На родине он потерял весь пыл, энергическую восторженность и веру в удачу, которые так помогали ему в суровых испытаниях на Кубе и в Мексике. Он отошел от дел, заперся в имении, живет на доходы с земли. Не в пример этому змею Монтехо, который таки высидел долгожданный патент на завоевание Юкатана.

Что ни говори, Алонсо был настоящий друг. Не то что Диего Ордас, Хуан Веласкес де Леон или Эскобар. Сколько мне пришлось повозиться с ними, чтобы они поняли, где лежит их выгода. Золота, конечно, не пожалел...

На чьей же стороне оказалась правда? Что случилось со всеми любимчиками Веласкеса, когда после получения известия об утверждении меня алькальдом города Веракрус, губернатора Кубы хватил удар. Где теперь Панфило де Нарваэс, отличавшийся необыкновенно представительной фигурой, зычным голосом и куриными мозгами? Горе-начальник, его никогда не интересовало, чем и как питаются солдаты. Он сгинул где-то на севере... А мои соратники? Каждый из них теперь прославлен на весь мир. Педро Альварадо заслужил славу завоевателя Гватемалы. Сандоваль ходил с походами на юго-запад, в земли миштеков и сапотексов. Даже этот Монтехо... И Диего Ордас тоже хорошо пристроен – он получил богатые поместья в Оахаке, потом совершил экспедицию за золотом на Ориноко, а ведь был день, когда мне пришлось заковать его в кандалы. И еще двух негодяев – Эскобара и бывшего альгвасила Сантьяго Эскудеро, который когда-то выследил меня, сбежавшего из-под ареста и прятавшегося в церкви.

Волнения в лагере начались в середине июня, сразу после того, как нас окончательно покинул Теутлиле. Индейцы продолжали приносить в лагерь на побережье пищу, однако хлебные наши запасы, даже попорченные червями, совсем кончились. Тучи москитов донимали людей днем и ночью, стоянка была окружена тинистыми болотами, испарения которых, усиленные палящим зноем, производили разительную *malaria*, в последствие более пагубную для европейцев, чем все прибрежные ураганы. Желчные горячки безжалостно губили людей... За короткий срок мы потеряли тридцать пять человек. По лагерю пошли разговоры – хватит, навоевались, напутешествовались! Разделить по справедливости все, полученное от Мотекухсомы – и дело с концом. Подзуживали те, кто обладал собственностью на Кубе – таких, правда, было немного, но они были крикливы и настырны и каждый раз ссылались на Веласкеса. Это не по приказу, то вопреки предписаниям...

Мятеж зрел на глазах.

Глупцы, они не понимали, что загоняли меня в угол!

* * *

...Солнечный лучик пробился сквозь щель между занавесками. Слуга топтался у порога – ждал, когда проснется господин. Дон Эрнандо долго лежал молча, прислушивался к болям в теле – старые раны все время давали о себе знать. Тут еще начала донимать лихорадка. Уж не с той ли поры, когда они в окружении тропических болот и смрадных, кишящих змеями джунглей приступили к строительству города Веракрус? Все может быть...

Кортес потянулся на постели, спросил:

– Что, Педро, денек сегодня ясный?

– Хороший денек, ваша милость, на радость людям. Солнышко чистое, ветра нет...

Слуга раздвинул занавески, помог сеньору сесть. Был Педро стар, худошав, лицо доброе, простецкое донельзя, глазки приветливые – так и примечают, где что плохо лежит.

– Что в доме? – поинтересовался дон Эрнандо.

– Все по-прежнему. Тихо, благостно... Донна Хуана изволили котят посмотреть – ейная кошка ночью окотилась.

– Да, заботы, заботы... Кукурузу срезали, что в кадке растет, я вчера приказывал?

– Кто ж его, ваша милость, срежет? Я передал приказ вашей милости домоправителю, так ему дела нет, что такой чудесный цветок желтеет на глазах. Нет, чтобы новый посадить...

Сеньор замер на кровати, безвольно повесил руки, дождался, когда слуга оденет его, потом коротко буркнул.

– Ступай. Завтрак сюда, в спальню. Шторы на окнах раздвинь. Ко мне никого не пускать, только падре Гомару.

– Слушаюсь, ваша милость.

Отзвенели колокола в церкви, ранний утренний шум не спеша заполнил комнату. Действительно было хорошо. Свежо, сухо...

* * *

До сих пор меня не оставляет уверенность, что зачинателем смуты был этот Кристоаль де Охеда, с которым мы поцапались еще на Кубе. Это был завистник до мозга костей, совсем не дурак, но злоба, распиравшая его, застила глаза. Сколько раз я пытался пойти с ним на мировую, он всегда охотно пожимал мне руку, но я-то чувствовал, что он только и ждет удобного случая, чтобы всадить мне нож в спину. В конце мая Охеда, по-видимому, решил, что такой момент наступил.

Тупица, он никак не мог сообразить, с кем имеет дело. Замысел сторонников губернатора Веласкеса лежал на поверхности. Они не оставляли попыток лишить меня свободы выбора. Стоило мне пойти на поводу у кучки крикунов, поделить добычу прямо на побережье и затем отправиться на Кубу, как сразу после прибытия Веласкес непременно посадил бы меня под арест за ущемление прав короля и лишения его, губернатора, собственной доли. Поводов у него было достаточно, а не хватило бы – использовал доносы, писать которые у него было много охотников. Если отложить раздел до возвращения в Сантьяго, губернатор тут же отобрал бы всю добычу, и никто из участников экспедиции и мелкого суэльдо не получил. Я и мои сторонники были в долгах, как в шелках, кредиторы сразу обратились бы в суд, и песенка моя была бы спета.

Так что о возвращении и речи не было. Сидеть у моря и ждать погоды тоже нельзя. Мои авантюеры были храбрые ребята, но простачки, и, в конце концов, могли пойти на поводу у

кучки горлопанов. Что ж, если дело шло к мятежу, то я должен был взять организацию бунта в свои руки. Решение простое, изящное – оно сразу понравилось мне своей прозорливостью и действенностью. За дело взялись верные друзья – Пуэртокаррера, Сандоваль, Альварадо с братьями, Кристобаль де Олид, Авила, Хуан де Эскаланте, Франсиско де Луго.

За ночь они успели поговорить с верными людьми – прежде всего с канониками, арбалетчиками и ветеранами.

Много лет спустя Берналь Диас рассказывал, как на посту к нему подошли Пуэртокаррера, Эскаланте и Франсиско де Луга.

Назвали пароль, приблизились, завели разговор.

– Послушайте, сеньор Берналь, есть у нас до вашей персоны дело.

Он, помнится, даже опешил – сразу у трех офицеров надобность к нему обнаружилась. Не многовато ли? Но как только Эскаланте объяснил, в чем суть, Берналь Диас тотчас смекнул, что к чему.

– Вы, наверное, слышали, о чем болтают в лагере всякие трусливые душонки – мол, хватит, навоевались, пора домой, на Кубу. Так вот, сеньор Берналь, послушайте, что я вам скажу. Стоит нам только бросить якорь в гавани Сантьяго, все мы окажемся разорены. Веласкес загребет себе все денежки, как было и раньше. Вспомните, вы сами участвуете в третьей экспедиции, все до ниточки на них потратили, все равно в карманах пусто. Ничего там, кроме долгowych расписок нет... Вернуться сейчас немислимо.

– С этим, уважаемые сеньоры, я согласен. Многие – считайте, почти все – так думают, но что мы сможем поделать, если последует приказ возвращаться.

– Пусть возвращаются те, у кого жила тонка, а мы должны потребовать от капитан-генерала основания здесь колонии, в которой мы сами будем хозяева и подчиняться будем только его величеству королю Испании. Ему и платить пятину. Напрямую!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.